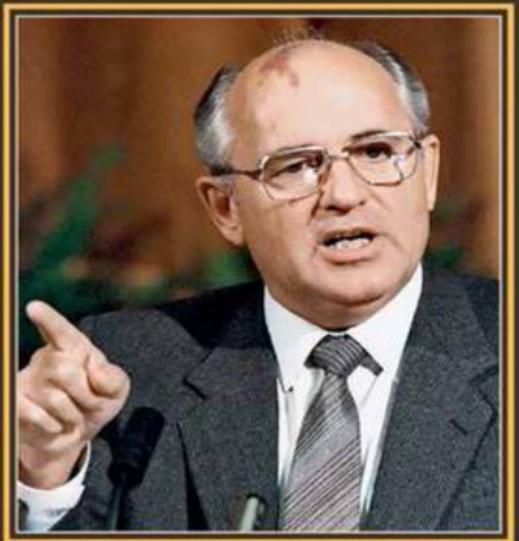
ПРАВИТЕЛИ РОССИИ



ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС,
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СССР

ГОРБАЧЁВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

При нем Союз вздрогнул, как весенняя льдина и стал раскалываться, разбрасывая осколки от Востока до Запада. И все-таки, он молодец. Как ни крути, он сумел поднять Железный занавес и эти самые Запад с Востоком ринулись навстречу друг другу.

Михаил Сергеевич Горбачев, безусловно, был выдающимся главой нашего государства. Кроме него, наверное, в русской истории были еще только четыре человека такого уровня и значения. Князь Владимир, крестивший Русь, Петр Первый, по меткому слову поэта «вздернувший ее на дыбы», Ленин, создавший первое в мире социалистическое государство и Сталин. Вся эта «великолепная пятерка» имела в сравнении с другими блистательными правителями России одно отличие. Время их правления отразилось как минимум на европейской истории, а как максимум – на мировой.

Горбачев явление сложное. Не нам сейчас судить о его поступках, это надо взглянуть на них лет через сто. Запомнилось его время правления многословием, пустеющими прилавками, путчем ГКЧП, при нем сгинула самая влиятельная, она же единственная, советская партия – КПСС… Ему все время не везло, даже став первым президентом СССР, Михаил Сергеевич стал и последним президентом страны Советов. При нем Союз вздрогнул, как весенняя льдина и стал раскалываться, разбрасывая осколки от Востока до Запада.

И все-таки, он молодец. Как ни крути, он сумел поднять Железный занавес и эти самые Запад с Востоком ринулись навстречу друг другу.

- Тамара Красовицкая
  -
  - Детство и первые карьерные успехи
  - Москва, МГУ, Раиса
  - Первый секретарь – главная опора режима или «постоянно неугомонный»?
  - Москва – СССР – и весь мир…
  - «На практическую ногу встал вопрос о смене сути и характера общественного уклада»
  - Главные даты жизни Михаила Сергеевича Горбачёва

Горбачёв
Сергей Андреевич
(1909– 1976)

Горбачёв Михаил Сергеевич
Генеральный секретарь ЦК КПСС,
первый Президент СССР
2 марта 1931

Гопкало
Мария Пантелеевна
(1911 – 1993)

Тамара Красовицкая
Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв. 2 марта 1931 – 10 ноября 1982

«Я стучал в двери истории, и они отворились…»

Одну из своих книг-воспоминаний М. Горбачёв предварил эпиграфом, написанным собственноручно: «Если смотреть на вещи широко, исходить из того, как распорядилась судьба, сделав меня не просто участником одного из крупнейших поворотов истории, но и человеком, который инициировал процесс обновления и продвигал его, то можно сказать – мне повезло. Я стучал в двери истории, и они отворились, открылись и для тех, ради которых я старался. Я не стремился к власти ради власти и не пытался навязывать свою волю, чего бы это ни стоило».

Скорее всего, это искренняя оценка своей судьбы и жизни человеком, удовлетворенным и судьбой, и жизнью. Хотя из нее все же исключена самая знаменитая фраза: «Ну, всего-то я вам никогда не скажу». Это можно сказать о любом из нас, особенно не понаслышке знающих советские реалии.

Тем не менее Михаил Сергеевич выделяется из всех советских руководителей России. Во-первых, тем, что был «говоруном» в работе и многое порассказал и до сих пор рассказывает о себе. Во-вторых, ни один из советских руководителей не испытал на себе столь диаметрально противоположного отношения оценок своей деятельности.

О Горбачёве написано много книг, еще больше их будет написано. После Ленина он, наверное, больше иных руководителей страны в XX веке способствовал капитальным трансформациям мирового геополитического ландшафта. Цель же этой книги – понимая и учитывая эти трансформации, увидеть их начатки в обыденных жизненных, подчас житейских событиях, окружающих нашего героя и пережитых им.

Детство и первые карьерные успехи

2 марта 1931 года в селе Привольное Медведенского района Ставропольского края в крестьянской семье родился мальчик. Отец – Горбачёв Сергей Андреевич (1909–1976), русский. Мать – Гопкало Мария Пантелеевна (1911–1993), украинка. Предки по линии отца – Горбачёвы, переселенцы из Воронежской губернии. Предки по линии матери – горстка украинских крестьян, – спасаясь от голода, основали в 1861 году поселение Привольное – довольно большое село, как и многие на Ставрополье, три тысячи жителей. Эти украинские крестьяне далеки и от кавказских народов, и горцев, и равнинных. Взаимоотношения казаков и горцев будут для Горбачёва долгое время малочувствительны. Он так поздно спохватился, пренебрегая национальным вопросом в России…

М. С. Горбачёв с дедом Пантелеем и бабушкой Василисой. 1936 г.

Мальчика назвали Михаилом. Мария Пантелеевна Горбачёва тайно крестила своего первенца Виктора в церкви. Батюшка дал ему имя Михаил, вопреки тому, которым назвали его в семье. По другим данным, это дед Андрей Горбачёв, крестив внука в церкви

села Летницкого, сменил имя Виктор, данное мальчику при рождении, на Михаила, неосторожно, может быть, поменяв ему судьбу: лишив шансов стать «Победителем», обрек на одинокую гордыню «Подобного Богу».

Об этом первый Президент СССР как-то рассказывал с огромным удовлетворением. Мотивы такого удовлетворения, по всей вероятности, в том, что имя Михаил происходит от библейского. Не зрел в будущее и сельский батюшка, переименовал Виктора в Михаила согласно святцам. Материнское (дедовское) имя, возможно, больше бы помогало… Любопытно, годом раньше, месяцем раньше и днем раньше, 1 февраля, в селе Бутка Свердловской области родился его «Виктор-победитель» – Ельцин Борис Николаевич.

В 1931 году село Привольное входило в Северо-Кавказский край РСФСР. Оно удалено от городских центров и соответствующих городу благ. Ставрополь находился в 160 километрах от Привольного. Ближайший вокзал – на расстоянии 50 километров. Юный Михаил не покидал никогда пределов района лет до шестнадцати.

В наши дни земли села граничат с Краснодарским краем и Ростовской областью – это самый северо-западный населенный пункт Ставропольского края. Первым секретарем Ставропольского РК ВКП(б) в 1931–1933 годах был Самуил Иосифович Бенкин, репрессированный в 1938 году. В 1931 году маленький мальчик, конечно, не знал о том, что сам секретарь ЦК ВКП(б) Л. Каганович и сам председатель СНК СССР В. Молотов слали в край, где делал первые шаги маленький Михаил, грозные телеграммы: «ЦК отмечает, что на Северном Кавказе… в августе сорвано выполнение сентябрьского месячного плана хлебозаготовок…Северный Кавказ скатился до уровня хлебозаготовок значительно ниже прошлогоднего. Считая нетерпимым состояние дела хлебозаготовок на Северном Кавказе, ЦК требует такой мобилизации усилий всей краевой партийной организации, которая дала бы немедленный подъем хлебозаготовок и позволила бы полностью выполнить октябрьский план и наверстать упущенное в сентябре».

М. Горбачёв часто рассказывал, что в детстве он еще «застал остатки… дореволюционной и доколхозной деревни»: беспросветную бедность, чудовищную антисанитарию, «а главное – тяжелый изнурительный труд». Здесь он хронологически неточен. Доколхозную деревню он застать не мог. А вот беспросветную бедность, чудовищную антисанитарию, «а главное – тяжелый изнурительный труд» ребенок, конечно же, запомнил. Но он-то считал, что из этого ужасного состояния деревни в

лучшую жизнь будет людей выводить советская власть и Коммунистическая партия. На самом деле это они и довели в короткие сроки деревню до такого состояния. Потом и очень медленно будет наступать какое-то облегчение в жизни. Бывший руководитель Пресс-центра ЦК КПСС Николай Александрович Зенькович записывал: «На совещаниях в ЦК говорливый генсек любил вспоминать эпизоды своего детства. Однажды на Политбюро, когда обсуждался его доклад, разговор коснулся коллективизации, и в моем блокноте появилась такая вот запись. (Это любопытное свидетельство того, что на Политбюро и при Горбачёве его члены не были искренни друг с другом.) Сам Михаил Сергеевич отгораживался от истины семейными прибаутками:

«М. С.: Я спрашивал свою бабушку Василису Лукьяновну:

– У нас с колхозами как шло?

– Да как, – говорит, – всю ночь твой дед гарнизует, гарнизует (организует. – *Н. З.*), а наутро все разбиглись…»

Горбачёв, будучи Генеральным секретарем, отгораживался от этой темы прибаутками: один дед был арестован за то, что не вступил в колхоз, а второй дед – за то, что слишком рьяно этот колхоз организовывал. Подчинить эти факты какой-то логике на посту Генерального секретаря КПСС невозможно… Хотя как-то Михаил Горбачёв заявил, что рассказы деда послужили одним из факторов, склонивших его к неприятию советского режима.

Результатом же выше упомянутых телеграмм был голод, и голод был страшный. В Привольном вымерла треть, если не половина села. Умирали целыми семьями, и долго еще сиротливо стояли в селе оставшиеся без хозяев хаты. Трое детей деда по отцовской линии Андрея умерли от голода. О деде Андрее известно, что он «характером был крут и в работе беспощаден – и к себе, и к членам семьи». Он не был склонен к общинному бытию: «Коллективизацию дед Андрей не принял и в колхоз не вступил – остался единоличником». Приходилось выживать. В 1934 году (Мише – три года) загремел как «саботажник» на лесоповал в Иркутскую область: он не выполнил план, спускаемый властями единоличникам. Крестьянам-единоличникам власти устанавливали такой план, который выполнить было просто невозможно. Семян не было, и план выполнять оказалось нечем. Бабушка Степанида осталась с двумя детьми – Анастасией и Александрой. Отец Горбачёва взял на себя все заботы. Дед Андрей в лагере работал хорошо, и через два года, в 1935 году, его освободили досрочно. Вернулся в Привольное с двумя грамотами ударника труда и теперь уже вступил в колхоз. Он старался держаться подальше от людей.

Поскольку работать он умел, то скоро руководил колхозной свинофермой, она постоянно занимала в районе первое место. Опять дед стал получать почетные грамоты.

Когда Горбачёв упоминал беспросветную бедность, «а главное – тяжелый изнурительный труд», он больше имел в виду дом Андрея Моисеевича Горбачёва. Когда его старший сын Сергей женился в 1929-м на Марии Пантелеевне Гопкало, молодые поначалу жили именно в этом доме. Потом отделились.

Как жили его родители, Горбачёв об этом не рассказывает. Скорей всего – бедствовали. Президент ничего не говорит о том, какова была обстановка в семье его родителей после того, как они отделились от Андрея Моисеевича и стали жить самостоятельно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Мишины родители были довольны тем, что их трехлетний сын поселился в доме дедушки Пантелея, как-никак он – председатель колхоза.

Отец, Сергей Андреевич Горбачёв.

Этот, по материнской линии «дед мой, – вспоминал М. С. Горбачёв в книге «Жизнь и реформы», – Пантелей Ефимович Гопкало революцию принял безоговорочно. В 13 лет он остался без отца, старший среди пятерых. Типичная бедняцкая крестьянская семья. В Первую мировую войну воевал на турецком фронте. Когда установилась советская власть, получил землю. В семье так и звучало: «Землю нам дали Советы». Из бедняков стали середняками. В 20-е годы дед участвовал в создании в нашем селе

ТОЗа – товарищества по совместной обработке земли. Работала в ТОЗе и бабушка Василиса Лукьяновна (девичья фамилия Литовченко, ее родословная своими корнями тоже уходила на Украину), и совсем еще молодая тогда моя мать Мария Пантелеевна. В 1928 году дед вступил в ВКП(б), стал коммунистом. Он принял участие в организации нашего колхоза «Хлебороб», был его первым председателем». В 30-е годы дед Горбачёва Пантелей Ефимович возглавил колхоз «Красный Октябрь» в соседнем селе, в 20 километрах от Привольного.

В доме деда Михаил впервые увидел на грубо сколоченной книжной полке тоненькие брошюрки. Это были Маркс, Энгельс, Ленин, издававшиеся тогда отдельными выпусками. Стояли там и «Основы ленинизма» Сталина, статьи и речи Калинина. Читал ли их Пантелей Ефимович, то неведомо, но «Основы ленинизма» и «Краткий курс…» обязательно должны были быть в домах партийных и советских функционеров. А в другом углу горницы – икона и лампада: бабушка – глубоко верующий человек. Прямо под иконой красовались портреты Ленина и Сталина. Это «мирное сосуществование» двух миров нисколько не смущало деда. Сам он верующим не был, но обладал завидной терпимостью. Авторитетом пользовался колоссальным.

– Знаете, какая любимая шутка была у моего деда? – спрашивал, чтобы разрядить обстановку, Михаил Сергеевич. – «Главное для человека – свободная обувь, чтобы ноги не давило».

И пока внук не пошел в школу, он в основном жил с дедом и бабушкой.

– Любили они меня беззаветно, – вспоминал Михаил Сергеевич. – Чувствовал я себя у них главным. И сколько ни пытались оставить меня хоть на время у родителей, это не удалось ни разу.

Сельского парнишку выделяла любознательность и неуемная энергия. Они распирали с детства маленького мечтателя, понуждали, по его собственному признанию, «что-то сделать». Добавим к этому смешанную русско-украинскую кровь двух семей переселенцев, осевших и породнившихся в Привольном. Смесь не только кровей, достаточно характерную для юга России, но и политических темпераментов его дедов.

Михаил должен был пойти в школу. Здание школы построил земский врач Белоусов в 1911 году на земле, подаренной церковью. Здесь были печи в каждом классе. Толщина стен 80 сантиметров! Летом в любую жару прохладно, а зимой в лютый холод – тепло.

Но школьные впечатления перебили другие: в 1937-м с дедом случилось несчастье, означившее конец детству. Арест деда

Пантелея Ефимовича Горбачёв пережил столь болезненно, что, достигнув высоких партийных чинов и имея возможность затребовать следственное дело деда, не сделал этого – «не мог перешагнуть какой-то душевный барьер».

Горбачёв пишет о советских реалиях без гнева. Чувствуется, что как человек, родившийся через четырнадцать лет после октябрьского переворота, он уже не знал иной жизни и принимал коммунистическую тиранию не как нечто чуждое, а скорее как «свое» – пусть и грозное и жестокое. Прочитал дело об осужденном Пантелее Ефимовиче только в 1991-м. Только тогда он узнал, что, находясь под следствием, Пантелей Ефимович провел в тюрьме 14 месяцев, вынес пытки и издевательства. От расстрела спасло изменение «линии партии», февральский пленум 1938 года, посвященный «борьбе с перегибами». Дед Пантелей вернулся в Привольное и в 1939 году вновь был избран председателем колхоза.

Перед самой войной жизнь как-то начала налаживаться, входить в колею. Колхоз начал выдавать зерно на трудодни. Дед Пантелей сменил соломенную крышу хаты на черепичную. Появились в продаже патефоны. Стали приезжать, правда, кинопередвижки с показом немого кино. Откуда-то, хотя и нечасто, привозили мороженое.

Горбачёв пишет, что в свободное от работы время, по воскресеньям, семьями выезжали отдыхать в лесополосы. Мальчишки гоняли мяч, а женщины делились новостями да присматривали за мужьями и детьми. Здесь Михаил Сергеевич скорее пересказывает местный вариант «Кубанских казаков»: лесополосы как часть «Сталинского плана преобразования природы» появились после засухи 1946 – 47 годов.

В один из воскресных дней, 22 июня 1941 года, утром, пришла страшная весть – началась война. Все жители Привольного собрались у сельского совета, где был установлен радиорепродуктор, и затаив дыхание слушали выступление Молотова. К началу Великой Отечественной войны Михаилу было 10 лет. Он сам пишет, что помнит все, «многое, что пришлось пережить потом, после войны, забылось, но вот картины и события военных лет врезались в память навсегда». За считанные недели опустело село – не стало мужчин. Повестки привозили ближе к ночи, когда все возвращались с работы. «Сидят за столом, ужинают, вдруг – лошадиный топот. Все замирают… нет, на этот раз посыльный проскакал мимо. Отцу, как и другим механизаторам, дали временную отсрочку – шла уборка хлеба, но в августе призвали в армию и его. Вечером повестка, ночью сборы». Утром отправились за 20 километров в райцентр. Всю

дорогу – нескончаемые слезы и напутствия. В райцентре прощались. «Бились в слезах женщины и дети, старики, рыдания слились в общий, рвущий сердце стон. Последний раз купил мне отец мороженое и балалайку на память».

К осени остались в селе женщины, дети, старики да из мужчин – больные и инвалиды. И уже первые похоронки стали приходить в Привольное. «Опять по вечерам со страхом ждали конского топота. Остановится посыльный у чьей-то хаты – тишина, а через минуту – страшный, нечеловеческий, невыносимый вой». Горбачёв станет первым из партийных лидеров, для кого смерть была рядом, тканью повседневности обволакивала его село. Смерть сельчане переживали вместе: большинство погибших на той войне – соседи и родные, их не хоронили с салютом, и им не ставили ни крестов, ни пирамидок со звездой.

Мальчишки военной поры входили во взрослую жизнь. Забыты забавы, игры, оставлена учеба. Целыми днями по горло всяких дел.

Все новости о войне черпали из единственной газеты «Правда». Для всех читал теперь ее Михаил. Новости шли невеселые. Михаил с мальчишками, лихо распевавшими перед войной: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», надеялись, что вот-вот фашисты получат по зубам. Но врагу сдавали город за городом. К осени враг оказался у Москвы и совсем близко – под Ростовом. С конца лета 1942-го от Ростова через ставропольские степи покатились волны отступающих. Брели люди – кто с рюкзаками или мешком, кто с детской коляской или ручной тачкой. Меняли вещи на еду. Иногда поселялись в пустующих хатах. Гнали коров, табуны лошадей, овечьи отары.

Первая зима военной поры была ранней и суровой. Часть хат – вместе с постройками, скотом, птицей – оказалась под сугробами. Из домов делали проходы, тоннели, откапывая соседей. Снег пролежал до весны – настоящее снежное царство. Трудно было ухаживать за скотом. Совсем плохо – с кормлением колхозных животных: сено осталось на полях, а дороги замело. Что-то надо было делать. С большим трудом пробили дорогу, начали возить сено. Все это делали молодые женщины, и среди них мать Михаила. Поздними вечерами женщины собирались в чьей-то хате, чтобы обсудить новости, читали полученные от мужей письма. На этих встречах и держались.

Горбачёв вспоминает, что в один из метельных дней мать и несколько других женщин из поездки не вернулись. Прошли сутки, двое, трое, а их нет. Лишь на четвертый день сообщили,

что женщин арестовали и держат в районной тюрьме. Оказалось, они сбились с пути и нагрузили сани сеном со стогов, принадлежавших государственным организациям. Охрана их и забрала. Дело едва не обернулось драматически: за «расхищение соцсобственности» суд в ту пору был скорый и строгий. Спасло одно – все «расхитители» были женами фронтовиков, у всех – дети, да и брали они корма не для себя, а для колхозного скота. Трудно перечесть все тяготы, свалившиеся на женщин, которые ежедневно наблюдал Михаил. Но он видел, как мать и соседские женщины находили в себе силы каждый день снова и снова делать дело, стойко нести свой тяжкий крест. Летом мать засветло начинала копать или полоть, затем передавала начатое мальчику, а сама – на колхозное поле. Главной обязанностью 11-летнего сына стала заготовка сена для коровы и топлива для дома: из прессованного навоза готовили кизяк, он шел на выпечку хлеба и приготовление пищи.

Почта приходила редко. Радиоприемников в селе тогда еще не было. Но когда газеты все-таки получали, их прочитывали от строчки до строчки.

«Хорошо помню, с какой радостью встретили мы известие о том, что Москва устояла, немцы получили отпор. И еще – пришла с «Правдой» совсем маленькая книжица под названием «Таня» – о партизанке Зое Космодемьянской. Я читал ее собравшимся вслух. Все были потрясены жестокостью немцев и мужеством комсомолки».

Михаил рассказывает, как впервые увидел залп «катюш»: по небу со страшным свистом летели огненные стрелы… Собрав свои пожитки, ушли неизвестно куда бабушка Василиса и дед Пантелей. Как коммунисту и председателю колхоза деду оставаться было очень опасно.

От Ростова и до Нальчика немцы двигались, практически не встречая сопротивления. Наши войска были дезорганизованы. Знаменитый летчик А. А. Покрышкин рассказывал, что в августе 42-го ему удалось взлететь с аэродрома на окраине Ставрополя в момент, когда немцы уже подходили к нему. Хорошо, что Привольное находилось вдалеке от железной дороги. Мальчик не видел таких сцен, какие описал его ровесник из Ростовского ремесленного училища В. Мирошниченко: «…дадут на пункте 200 граммов хлеба и суп. И все!…В товарном вагоне нас ехало 65 человек. Спали на полках и на полу, так, что ночью даже места не хватало. Днем ничего – человек 20–30 едут на крыше, и в вагоне свободней. Один раз помню, не было долго питательного пункта. Так на наш вагон (всю жизнь помнить буду) выдали из резерва булку хлеба. Вот мы, значит, съели ее: каждому досталось по 1/65

части булки до следующего дня». Запасы продовольствия, обмундирования уничтожались специальными командами, в которые входили представители администрации и НКВД. В конце сентября 1942 года в Махачкале уполномоченный Краснодарского крайкома ВКП(б) по учету эвакуированного населения Осипов подчеркнул, что «самым позорным явлением для нашего края является эвакуация школ ФЗО и РУ».

Но для жителей села вдруг наступила тишина. «А на третий день со стороны Ростова в село ворвались немецкие мотоциклисты. Федя Рудченко, Виктор Мягких и я стояли у хаты. «Бежим!» – крикнул Виктор. Я остановил: «Стоять! Мы их не боимся». Это «Стоять! Мы их не боимся», скорее всего, литературный редакторский пассаж.

Въехали немцы – оказалось, разведка. А вскоре вступила в село и немецкая пехота. За три дня немцы заполнили Привольное. Стали маскироваться от бомбежек и ради этого почти под корень вырубили сады, на выращивание которых ушли десятилетия.

Деревня была оккупирована фашистами, и семья жила только надеждами на скорое освобождение Красной Армией. Через несколько дней вернулась бабушка Василиса. С дедом она дошла почти до Ставрополя, но немецкие танки опередили: 5 августа 1942 года город был занят. Дед кукурузными полями, оврагами пошел через линию фронта, а бабушка со своими пожитками вернулась.

Жизнь постепенно превратилась в какое-то первобытное существование, в повседневный процесс выживания, когда нет самого необходимого – ни тепла, ни еды, ни обуви, ни одежды.

В Привольном остался небольшой гарнизон, потом и его заменили каким-то отрядом. Михаил запомнил нашивки на рукавах и украинский говор. Четыре с половиной месяца село было оккупировано немцами, срок по тем временам долгий. Старостой немцы назначили престарелого Савватия Зайцева – деда Савку. Долго и упорно он отказывался от этого, но односельчане уговорили – все-таки свой. В селе знали, что Зайцев делал все, чтобы уберечь людей от беды. А когда изгнали немцев, осудили его на 10 лет за «измену Родине». Сколько ни писали односельчане о том, что служил он оккупантам не по своей воле, что многие лишь благодаря ему остались живы, ничего не помогло. Так и умер дед Савка в тюрьме как «враг народа».

Началась жизнь на оккупированной территории. Первая новость – вылезли на поверхность те, кто дезертировал из армии и по нескольку месяцев прятался в подвалах. Многие из них стали служить немецким властям, как правило, в полиции. После

возвращения бабушки Василисы нагрянули и к Горбачёвым полицейские. Бабушке приказали идти за ними в полицейский участок. Там ее подвергли допросу. Но что могла она сказать? Что муж ее – коммунист, председатель колхоза, что сын и зять – в Красной Армии. «Мать во время обыска и ареста вела себя мужественно. Смелость ее была не только от характера – женщина она решительная, – но и от отчаяния, от незнания, чем все это кончится. Над семьей нависла опасность. Возвращаясь с принудительных работ, дома мать не раз рассказывала о прямых угрозах со стороны некоторых односельчан: «Ну, погоди… Это тебе не при красных». Стали приходить слухи о массовых расстрелах в соседних городах. Горбачёв пишет, что в семье понимали, что первыми в этом списке будут члены семьи. Мать с дедом Андреем спрятали Михаила на ферме за селом. Расправа как будто намечалась на 26 января 1943 года, а 21 января наши войска освободили Привольное.

О разгроме немцев под Сталинградом в селе узнали от самих немцев. А вскоре их войска, боясь попасть в новый котел, стали спешно уходить с Северного Кавказа.

В 1944 году занятия в школе возобновились. В селе Привольном Михаил Горбачёв окончил школу-семилетку. Ему было 14 лет. Два военных года он не учился. Рассказывает он и о том, как едва не бросил школу. Уже и не хотел учиться. Отец писал матери с фронта: продай все, одень, обуй, купи книжки, и пусть Михаил обязательно учится. И дед Пантелей настаивал на учебе. Ну вот, пошел Михаил на первый урок. Ничего не понимал. Все забыл. После военных событий все казалось скучным. Встал посреди урока и ушел. Дома забросил одну-единственную книжку: «Не пойду больше». Мать – в слезы. Потом собрала вещи и ушла куда-то. Вернулась поздно вечером. Без вещей, но с целой стопкой книг. Михаил – угрюмо: «Все равно не пойду». А ночью взял просто так одну книгу, стал листать, потом читать. До самого утра читал.

Школьный театр. М. С. Горбачёв в пьесе М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 1940-е годы.

Главное, утром Михаил пошел в школу. Тетрадей не было. Писал на книгах отца по механизации. А чернила делал сам. После восьмилетки учился в районном центре. Жил на квартире. Раз в неделю ходил пешком в Привольное – к родителям, за продуктами. Двадцать километров туда, двадцать – обратно. В 1946 году его приняли в комсомол, вскоре избрали заместителем комсорга школы, затем – комсоргом.

Учился он хорошо. Знания впитывал жадно, интересовался сразу всем – физикой, математикой, литературой. Свое выпускное сочинение в школе он написал на тему «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет». Получил высшую оценку, и потом сочинение еще несколько лет демонстрировалось выпускникам – как эталон. Открыл для себя поэзию, заучил большие куски произведений Пушкина, Лермонтова, Маяковского, которые под настроение и с охотой декламирует и сейчас. Характер формировался независимый, не всем был по нутру. Рассказывает одноклассница, первая юношеская любовь Михаила:

«Он, может быть, один из нас позволял себе спорить с учителями. Я знала, что он мог встать и сказать учительнице истории: вы не правы, факты говорят о другом…

Запомнилось мне еще вот что. Как-то раз вызвала меня директор школы и повела такой разговор: «Вот вы с Мишей всюду вместе, много времени уделяете друг другу, все старшеклассники на вас смотрят, берут с вас пример, это плохо отражается на успеваемости…» Я не знала, что ответить, сказала, что мы будем реже встречаться. Выхожу и в дверях кабинета сталкиваюсь с Михаилом. «Ты чего здесь?» Ну, я ему передала наш разговор с директором. Он говорит: «Подожди меня здесь». Заходит. Через некоторое время из кабинета выходит наша молоденькая Мария Сергеевна, красная, взволнованная. А следом – улыбающийся Горбачёв. Я спрашиваю: «Что ты ей сказал?» – «Да ничего особенного. Сказал: я – отличник, и Юля отличница, я – общественник, и Юля общественница, и то, что мы дружим, этому не мешает».

С увлечением Михаил участвовал в художественной самодеятельности. Влюбился, как и положено, в одноклассницу, с которой играл в школьном театре в «Снегурочке» Островского. Миша с накладными усами был Мизгирем. Из других ролей нравилась роль князя Звездича в лермонтовском «Маскараде». Какое-то время он всерьез подумывал об актерской карьере.

Наблюдавшие его много позже совсем в другом амплуа такие разные люди, как А. Н. Яковлев и Е. К. Лигачёв, единодушно утверждали, что из Горбачёва, безусловно, получился бы выдающийся актер. Однажды драмкружок, в котором он участвовал, выехал на «гастроли» по селам района. На вырученные от платных спектаклей деньги были куплены 35 пар обуви для детей, которым не в чем было ходить в школу.

С 13 лет периодически совмещал учебу в школе с работой в МТС и в колхозе. С 15 лет работал помощником комбайнера машинно-тракторной станции. Во время жатвы 1946 года работал штурвальным у отца-комбайнера. В 16 лет (1947 год) за высокий намолот зерна на комбайне был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Об этой истории много пересудов в литературе, намеков на то, что старт успешной политической карьеры Горбачёва тщательно готовился и планировался. Это пустые пересуды. Таких историй на самом деле бывало немало в советские годы. Меньше обращают внимание на то, что это отражение в судьбе Михаила социального лифта для сотен и тысяч молодых людей. Его действительно тщательно разрабатывала и использовала на практике Коммунистическая партия и советская власть. Эта работа по подбору с «низов» в пресловутую номенклатуру наиболее энергичных и целеустремленных молодых людей. Этим лифтом многие воспользовались и по этажам, строго контролируемым, двигались к заветной цели. Этот лифт назывался номенклатурой. Оказавшись на вершине, Горбачёву придется, в конце концов, этот механизм разрушить.

Но пока в селе Привольном готовится местный рекорд.

Наиболее достоверную информацию об этом эпизоде биографии Михаила Горбачёва содержит статья «Агрегат Сергея Горбачёва готов к работе» в газете «Ставропольская правда» (июнь 1948 года).

В статье было сказано: «По инициативе партийной организации Покровской МТС создан первый в районе комсомольский комбайновый агрегат, состоящий из двух комбайнов «Сталинец-6». Начальником агрегата дирекцией МТС утвержден комбайнер-коммунист Сергей Горбачёв. Вместе с ним будет работать опытный комбайнер Яков Яковенко. Штурвальными – их сыновья Михаил Горбачёв и Александр Яковенко.

За комсомольским агрегатом закреплен новый мощный трактор «С-80», на котором будут работать трактористы Рыжих и Кудрин. Горючее и воду будут подвозить кандидат в члены партии т. Рядко и участник Отечественной войны кавалер ордена

Славы Пётр Удовиченко». Все говорит о том, что не только экипаж, но и вся вспомогательная обслуживающая бригада агрегата специально отбиралась для предстоящего рекорда. «Качественный состав» будущих стахановцев строго контролировался партийными органами: партийность, происхождение, социальное положение, образование, национальность и т. д. В 1948 году кандидатуры будущих рекордсменов были, несомненно, согласованы не только в райкоме, но и в Ставропольском крайкоме партии. Сыновья комбайнеров должны были продемонстрировать преемственность трудовых традиций в советском селе. Горбачёвы по всем параметрам подходили под эту категорию. Отец – ударник труда, фронтовик, Михаил – отличник учебы и комсомольский активист. На его месте мог оказаться любой парень из Привольного. Благо урожай в 1948 году на Ставрополье был рекордный – 22 центнера с гектара. В жатву работали сутки напролет. Итог работы был общий. Экипаж агрегата намолотил 17 тысяч 776 центнеров зерна, по 8 тысяч 888 центров на пару. Отцы получили ордена Ленина, сыновья – Трудового Красного Знамени. Вот так Горбачёв в семнадцать лет вошел в молодежную элиту. В СССР перед юношами и девушками, имевшими правительственные награды, были открыты все двери. Они, как правило, избирались в комсомольские, партийные и государственные органы власти. Им в первую очередь предоставлялось слово на различных форумах.

В десятом классе в возрасте девятнадцати лет Михаил принят кандидатом в члены КПСС. В 1950 году окончил с серебряной медалью школу № 1 в селе Красногвардейском. Михаил – почти идеальный, образцовый продукт коммунистической системы, ее убежденный сторонник. История, как известно, гигантская лотерея и многих возносит на свой гребень лишь по своей прихоти.

Михаил невероятно поздно увидел впервые поезд, а прокатился на нем только в девятнадцать лет, когда поехал учиться в МГУ. Что касается Москвы, это совсем другой мир за 1600 километров от его села, в этот мир он всегда стремился.

Москва, МГУ, Раиса

В 1950 году Михаил Горбачёв поступил без экзаменов в МГУ имени М. В. Ломоносова. Свое поступление на юридический факультет он объяснял, не выделяя особых заслуг: «После войны, выбившей миллионы молодых людей, в стране был такой голод на квалифицированные кадры, что для поступления в вуз достаточно было только желания. У нас из школы даже те, кто учился много слабее меня, почти все поступили». Тем не менее для провинциального подростка это, конечно, поступок, выделявший среди тех, кто «много слабее»: «У нас ведь никогда не переводились Ломоносовы».

Р. М. Титаренко в год поступления в Московский государственный университет. 1949 г.

Для зачисления без экзаменов, как это произошло с Михаилом, надо было быть медалистом. Михаил окончил школу только с серебряной медалью («четверку схватил по немецкому»). Обладание медалями давало существенные льготы при поступлении. Медалистов было немного (1–2 на школу), их ставили в пример, им завидовали, на них хотели быть похожими. Но серебряные медалисты все-таки сдавали один вступительный

экзамен.

Жажда учиться и стремление вырваться в большой мир были столь сильны, что он готов был подать заявления сразу в пять вузов. Но нацелился все же на элитные московские вузы. Профессии, получаемые на выходе из института, пользу от них не всем на селе было уразуметь. Например, от профессии дипломата. В конце концов, Михаил отправил документы на юрфак МГУ.

Его «зачислили с общежитием» даже без собеседования. На решение приемной комиссии принять без собеседования вполне могли повлиять его нетипичные анкетные данные. Провинциальный школьник, а не фронтовик, он отличался от большинства своим рабоче-крестьянским происхождением, и в особенности главным козырем – орденом. К тому же в свои девятнадцать успел стал кандидатом в члены партии еще в школе.

В сентябре 1950 года мать собрала чемодан с нехитрыми пожитками, Михаил в своем единственном костюме сел на поезд, отправлявшийся в Москву. Он впервые покидал Ставрополье и уносился – на этот раз уже не в мечтах – в другой, неизвестный ему и уже потому притягательный мир.

В тогдашних условиях его отъезд был равнозначен первой поездке за рубеж, поскольку и вправду выводил его за границу единственного и привычного мира. Поезд нес его через лежавшую еще в руинах и пока малоизвестную ему страну. Михаил с волнением всматривался в подлинную драматическую реальность жизни миллионов людей. Пять лет спустя он без особого желания вернется на работу в Ставрополь и проведет в родном крае еще 23 года, но это будет уже совсем другой человек.

Все для провинциального юноши было впервые: Красная площадь, Кремль, Большой театр – первая опера, первый балет, Третьяковка, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, первая прогулка на катере по Москве-реке, экскурсия по Подмосковью, первая октябрьская демонстрация…

«Худощавый мальчик, небольшого роста, и вместе с тем с медалью или орденом на застиранной гимнастерке. Юрфак в те времена был полон таких гимнастерок, да и орденов с медалями хватало. Однако они принадлежали студентам отнюдь не мальчикового вида. Дело было после войны, и факультет четко делился на “школьников” и “фронтовиков”. “Так кто же он, этот Мишка Горбачёв – сын полка”, – недоумевали мы, то есть “школьники”. Возможно, такой же вопрос будоражил и “фронтовиков”. Вскоре ситуация разъяснилась. Студент Горбачёв не был фронтовиком. Он вроде бы еще подростком получил свой

орден или медаль за трудовые подвиги на полях родного Ставрополья. Итак, в наших глазах он не имел статуса “фронтовика”, но и не попадал в сословие “школьников“. Наверное, так же воспринимали его и “гимнастерки” – фронтовики. И, кто знает, возможно, это обстоятельство сыграло свою роль в формировании личности и судьбы юного Миши Горбачёва». Михаил в университете стал заместителем секретаря комсомольской организации юридического факультета по идеологии. Вспоминает он, его считали чуть ли не «диссидентом» за радикализм. Однако была лишь сохраненная им в Москве привычка спорить с преподавателями. Она выглядела в глазах тех, кто ему симпатизировал, диссидентством… В восприятии студентов университет был храмом науки, средоточием умов, очагом молодой энергии, порыва, поиска. Преподавательский состав был разнообразный и оригинальный. Многие знаменитые ученые, академики преподавали в МГУ, вели там лекционные курсы. Их лекции открывали новый мир, целые пласты человеческого знания, вводили в логику научного мышления, дискуссий. «Профессор Галанза, – вспоминал однокурсник Горбачёва Леонид Волков, – в пронзительно-голубых глазах которого застыла какая-то безнадежная печаль, читал нам всеобщую историю государства и права. Законы царя Хаммурапи и законы Солона, Великая хартия вольностей… Все это он читал как стихи на память, но как бы про себя. Или, может быть, для себя, поскольку понимал, что сидящим амфитеатром юным болванам всего этого блеска и нищеты мира не понять и не запомнить. И на экзаменах разрешал заглядывать в книжки и шпаргалки… А была ведь еще история политических учений – от Аристотеля до наших дней. Громогласный армянин, профессор Кечекьян читал ее, разумеется, с классовых позиций. Но они были как бы за скобками. А в мозг ввинчивались интереснейшие вещи и звонкие имена: швейцарец Блюнчли – органическая теория, Огюст Конт – позитивистская теория, Леон Дюги – солидаризм».

Юридический факультет давал весьма разносторонние знания, но нужно было учиться пользоваться ими. Да и как не спорить, не научаться владеть словом, учиться убеждать и переубеждать других? Михаил часто задавал вопросы, уточнял, обращая внимание на себя. Усвоение собственно юридических предметов требовало основательного знания современных социально-экономических и политических процессов и должно было происходить в контексте овладения основами всех общественных наук.

Первые три года учебы Горбачёва совпали с годами «позднего сталинизма», нового витка репрессий, знаменитой кампании

против «безродного космополитизма» и т. д. Шли большие факультетские собрания. Атмосфера была предельно идеологизирована. Как и повсюду, господствовали беспрекословные схемы сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», признававшегося эталоном научной мысли. Учебный процесс ощущал на себе жесткие идеологические рамки, они давали о себе знать на лекциях, семинарах, в диспутах на студенческих вечерах. Это понимание подтверждалось и закручиванием гаек во всех областях – идеологии, культуре, науке, политике, затронувшим немалое количество населения. Михаил «уходил» в читальные залы библиотек, занимался самообразованием, наверстывал пробелы знаний, не заполнявшиеся вузовскими учебниками и «рекомендуемой» литературой для чтения. Часто в этом лежала юношеская потребность самостоятельного мышления и взросления. Михаил Горбачёв позднее вспоминал: «Я, в общем, дважды пережил ситуацию, связанную со Сталиным. В первый раз, когда умирает Сталин. Я студент Московского университета. У нас тогда еще отношение к Сталину не поколеблено было, вера сохранялась. Я ведь вступал в 10-м классе в партию, выбирал тему о Сталине, писал сочинение, я верил в коммунизм, верил в Сталина, верил в победу, в его роль в завоевании победы. Но мы ведь были детьми своего времени. Надо было многому совершиться, чтобы я дошел до того, что занялся борьбой со сталинизмом. А тогда это так было. И мы стоим со Зденеком Млынаржем – это помощник Дубчека по Пражской весне, мы с ним учились на одном курсе, в одной группе – стоим в мертвой тишине – умер Сталин. И Зденек спрашивает: «Мишка, что же с нами будет?» Вот состояние… Это шок был».

Годы учебы в Московском государственном университете решающим образом повлияли на формирование личности Михаила Горбачёва. Московский университет был не только средоточием людей разного образа мыслей, разного жизненного опыта, разных национальностей. Здесь перекрещивались человеческие судьбы, иной раз – на мгновение, но нередко – на долгие годы. Первые связи с иностранцами у Горбачёва появились во время учебы в МГУ, где училось много иностранных студентов. Например, с чехом Зденеком Млынаржем Михаил Горбачёв сдружился, поддерживал отношения всю жизнь. Горбачёв жил в студенческие годы в МГУ с Млынаржем в одной комнате. Интересно, что Млынарж после обучения в СССР, как и Горбачёв, пошел на партийную работу, в 1968 году, став секретарем и членом Президиума ЦК КПЧ, оказался одним из вождей так называемой Пражской весны. Под железным покровом

сталинского режима все-таки билась крамольная политическая мысль. Быть может, именно дубовая жесткость сталинских идеологических конструкций с особой силой возбуждала страсть к интеллектуальному противодействию.

Тем не менее дипломную работу студент Горбачёв написал на тему, ему близкую: «Участие масс в управлении государством на примере местных Советов». Материал собирал в Киевском райсовете Москвы и его исполкоме. «Немалая часть работы была посвящена показу… преимуществ социалистической демократии над буржуазной» – так он оценил основной мотив, двигавший им в исследовании. Ему предложили пойти в аспирантуру на кафедру колхозного права. Эту сторону советской «правовой» реальности он хорошо знал из фактов жизни своих родных и близких. Горбачёв отказался. По принципиальным соображениям. Заметим, что учившийся на соседнем факультете рядом с будущей женой Горбачёва «Отличник Мамардашвили», как напечатано в газете «Московский университет» от 6 января 1953 года проваливает экзамен по политической экономии социализма: «не смог правильно разобраться в вопросе о двойственной природе крестьянского хозяйства». В те годы в бывшем СССР колхозное право – отрасль права; совокупность установленных либо санкционированных Советским государством правовых норм, закрепляющих основные принципы, формы и порядок организации и деятельности колхозов. Эти нормы регулировали отношения власти с членами колхоза, семьями колхозников и колхозными дворами, организацию и деятельность выборных колхозных органов. В эти годы во всех кинотеатрах шли «Кубанские казаки», фильм и по сюжету, и по месту действия ему очень знакомый. Фильм и сегодня многим нравится весельем, радостными героями, богатой жизнью, песнями. Но, видимо, помня семейные истории, Михаил Сергеевич отказался развивать эту тему с научной стороны… Колхозное право он позже назвал «дисциплиной абсолютно ненаучной». Кафедра тоскливая, и научные перспективы грустные. Именно поэтому мы сейчас подробно остановимся на том, как Михаил Сергеевич сблизился с Раисой Максимовной.

Но для этого пора рассказать и о другом центре, тесно связанном с МГУ, о знаменитой Стромынке. Вначале немного о ней самой. Скромное приземистое здание, бывшая солдатская казарма еще «проклятого самодержавия», стало для многих студентов из «периферии» подлинным домом. В этом студенческом общежитии первокурсники (и с ними Горбачёв) живали по 22 человека в одной комнате, на втором курсе – 11, на третьем – 6. Но молодых это не сильно тяготило. Весело было,

бытовые трудности еще не обременяли. Жесткий коммунальный быт, разумеется, сразу высвечивал индивидуальные черты характера каждого. Михаил – в этом, видимо, проявлялось его деревенское воспитание – естественно вписался в этот студенческий «колхоз»: продукты и гостинцы, получаемые им время от времени из дома, тут же делились на всю комнату, которая вскоре, после того как он был избран ее старостой, завоевала звание образцовой в общежитии. Привитая родителями отзывчивость могла поднять его среди ночи зимой, чтобы отдать свое теплое пальто приятелю, спешившему на вокзал встречать кого-то. «Тогда ведь всем, что у кого было, делились. Гардероб у студента личным никогда не был», – рассказывал Михаил Сергеевич про свою жизнь на Стромынке много лет спустя. Из общежития в университет на Моховой ездили со станции «Сокольники», куда, как правило, без билета добирались на трамвае – по утрам его подножки и даже сцепки между вагонами были облеплены студентами. Девушек всегда галантно заталкивали в вагон. Стромынское бытие описал и Солженицын в романе «В круге первом». Там жили (и оставили воспоминания о нем) создатели советской атомной бомбы.

Двор легендарного общежития МГУ на Стромынке. Через него прошли все студенты послевоенных лет.

Стромынка была для студентов очагом подлинной культуры. В студенческий клуб на Стромынке приезжали знаменитые певцы и актеры – Лемешев, Козловский, Обухова, Яншин, Марецкая, Мордвинов, Плятт и другие. Цвет театральной Москвы. Сами

актеры рассматривали свои выступления как выполнение почетной обязанности прививать молодежи чувство прекрасного. Это было замечательной, уходящей в дореволюционную эпоху традицией художественной интеллигенции, к сожалению, сегодня почти утраченной. Студентов из разных городов и весей такие встречи действительно приобщали к настоящему искусству.

Студенческая молодость. М. Горбачёв с друзьями-однокурсниками. 1950-е годы.

Работали в клубе многочисленные кружки, начиная с домоводства, где могли научить жарить яичницу и перелицевать старое платье или брюки, и кончая кружком бальных танцев, увлечение которыми было в те годы чуть ли не повальным. Время от времени в стенах клуба устраивались танцевальные вечера. Михаил пишет, что бывал там довольно редко – предпочитал книги. Но друзья по курсу заглядывали туда частенько. «В один из вечеров осенью 1951 года я сидел в комнате общежития и готовился к семинару. Вдруг ко мне буквально вбежали мои друзья Юра Топилин и Володя Либерман и наперебой начали приглашать меня пойти с ними в клуб… «Там такая девчонка! Новенькая! Пошли!» Миша «пошел, не зная того сам, навстречу своей судьбе».

«Такая девчонка» – Раиса Титаренко спустя годы коренным образом изменит функцию кремлевской жены. Тогда еще наши люди не привыкли, что во главе государства могут стоять не вожди, а люди. Власть в их глазах всегда носила сакральный характер. А Горбачёвы – их жизнь в детстве, отрочестве, юности не отличить друг от друга – просто люди. Разве что отец у Раисы Максимовны в первом поколении – рабочий, гегемон, на которого делала основную ставку ВКП(б). И Михаил, и Раиса образованнее других, но – земные люди, которые больше всего ценят свободу,

интеллект. По их пути после войны шли тысячи юношей и девушек, он вдохновлял и тех, кто когда-нибудь добьется настоящей свободы для обыкновенных людей.

Раиса Титаренко – студентка философского факультета, любила «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, маленького человечка, делающего большие, добрые дела. Ходила в школу, на пионерские сборы, потом на комсомольские собрания. Гордилась Магниткой, Днепрогэсом, Комсомольском-на-Амуре, челюскинцами, Валерием Чкаловым, Валентиной Гризодубовой. Восхищалась подвигом Александра Матросова, Зоей Космодемьянской, молодогвардейцами. Зачитывалась книгами о далеких путешествиях, дальних странах, городах, о капитанах дальнего плавания… Дети этих лет играли в войну, искали клад…

Отец, Титаренко Максим Андреевич, 1907 года рождения, украинец, в Сибирь приехал весной 1929 года из Чернигова. Всю жизнь Максим Андреевич проработал в системе железнодорожного транспорта. Первой железной дорогой, которую отец строил, была дорога Рубцовск – Риддер на Алтае. Его родители – отец, Андрей Филиппович, и мама, Мария Максимовна, – бросили в селе землю и перебрались на жительство в город – Чернигов. Бросили, оставили землю, потому что не могли прокормиться с нее.

Отец в поисках работы приехал с товарищами в Западно-Сибирский край (сейчас это Алтайский край). Приехал на строительство железной дороги. Строительство дороги проходило через село Веселоярск, где родилась в 1913 году русская сибирячка, мать Раисы Максимовны – Александра Петровна.

В Веселоярске и сошлись судьбы родителей. Раиса – первый ребенок в семье, родилась 5 января 1932 года. По православной традиции ее, как и Михаила, крестили на квартире у священника. Имя выбрали не из святцев сами родители. Отец потом объяснил, что для него оно означало «рай». Райское яблочко…

Родители матери, Пётр Степанович Парада и Анастасия Васильевна, потомственные крестьяне. Легко ли им жилось? Не процветали крестьяне и в семье матери Раисы. Тяжкий, беспросветный труд. Земля, скотина, скудная еда.

В начале 30-х годов семья деда была раскулачена, лишилась земли и дома, стала жить временными заработками. А затем деда обвинили в троцкизме, арестовали, и он бесследно исчез. Мама, говорит Раиса Максимовна, до сих пор не знает, кто такой Троцкий, а дед и тем паче не знал. И вообще до сегодняшнего дня мать не может понять, в чем провинился ее отец. Мать часто рассказывала маленькой Раисе о каторжной жизни бабушки:

пахала, сеяла, стирала, шестерых детей кормила. И – всю жизнь молчала… Бабушка умерла от горя и голода как жена «врага народа». И оставшиеся четверо детей были брошены на произвол судьбы…

Война шла по пятам. Война в Испании. Война финская. Халхин-Гол. А внутри страны? Тридцатые годы – «враги народа». Раиса Максимовна помнила, как в первом – втором классах в школе вымарывали в учебниках портреты Егорова, Блюхера, Тухачевского. И наконец, Отечественная война.

По характеру мать была строгая и требовательная. Когда провожали на фронт отца на переполненном вокзале, многие женщины даже теряли сознание. Мать застыла от горя, но «Надо держаться!».

Сорок первый – сорок пятый. Миллионы потерянных жизней, миллионы жизней покалеченных. Опустошенные дома, осиротевшие семьи, разрушенные города, села, сожженная земля…

А главной целью своей жизни мать Раисы видела – дать настоящее образование собственным детям. И действительно всем детям дала хорошее образование. Но и после войны семья по-прежнему жила, как живут перелетные птицы. В связи с частыми переездами семьи пришлось менять много школ.

И все-таки в школе были любимые преподаватели и подруги. Репетировали в школьном хоре. Пели. Ставили спектакли на школьных сценах. Помогали семьям погибших. Торжественные клятвы давали друг другу: быть верными, быть всегда вместе, помогать, не скрывать ничего друг от друга. Скрепляли клятвы «честным пионерским», «честным комсомольским».

Десятый класс в семнадцать лет Раиса окончила в городе Стерлитамаке, в Башкирии, с золотой медалью.

Познакомились. Раиса Титаренко, оказалось, училась в том же здании университета на Моховой, что и Михаил Сергеевич (но, на философском), и жила в том же общежитии. Настроенный мистически во всем, что касается жены, Михаил Сергеевич удивлялся: «Как я не увидел ее раньше – не могу понять». С этого самого момента для будущего президента «начались мучительные и счастливые дни». Почему «мучительные»? Михаилу казалось, что знакомство с ним «не вызвало у Раи никаких эмоций». Она отнеслась к знакомству «спокойно и равнодушно. Это было видно по ее глазам». Он почему-то побежал за паспортом, чтобы доказать, что старше ее на целый год, стал искать новой встречи. Михаил Сергеевич вспоминает, что очень хотел «произвести впечатление», но опасался, что «выглядел ужасно глупо». Михаил Горбачёв до сих пор относится к этому случаю очень серьезно.

Настолько серьезно, что подробно излагает его в своих политических мемуарах и, не замечая того, объясняет нам смысл одной размолвки. Он и спустя годы после смерти Раисы Максимовны переживает, скорее всего, случайную (а может, и намеренную) попытку проверить любимого человека просьбой расстаться: «Мы долго шли молча. Уже подходя к Стромынке, я сказал Рае, что просьбу ее выполнить не могу, для меня это было бы просто катастрофой. Это и стало признанием в моих чувствах к ней». Когда молодые дошли до своего общежития и Михаил назначил Раисе свидание через два дня, она все-таки решительно сказала: «Нам не надо встречаться», – а он твердо ответил: «Я буду ждать». И они встретились. И продолжали проводить все свободное время вместе. «Бродили по московским бульварам, делились сокровенными мыслями, с удивлением и радостью находили друг в друге все то, что нас сближало». Значение этого длительного процесса для дальнейшей судьбы и карьеры влюбленного студента было огромно. Завершение ознаменовалось тем, что «в июне 1952 года… мы проговорили в садике общежития на Стромынке до утра… В ту июньскую ночь, может быть, до конца поняли: мы не можем и не должны расставаться. Жизнь показала: друг в друге мы не ошиблись». Раиса Максимовна вспоминала, что Новый, 1954 год они встречали с Михаилом Сергеевичем в Колонном зале. Ей помнилось, что окружающие «как бы тянулись» к ним. «И рождалось ответное теплое, дружеское чувство. Храню его до сих пор».

Михаил надеялся, что и без всякой аспирантуры останется в Москве. Будучи секретарем комсомольской организации, он входил в состав комиссии по распределению и знал, что распределен в Прокуратуру СССР. Там он займется «надзором за законностью прохождения дел в органах госбезопасности» (в связи с начавшейся реабилитацией жертв сталинских репрессий). Но Михаил узнал, что «правительство приняло закрытое постановление, категорически запрещавшее привлекать к деятельности центральных органов правосудия выпускников юридических вузов». Молодой юрист мог бы, конечно, попытаться «зацепиться за Москву», из-за этого у него даже был небольшой конфликт с Александрой Петровной, матерью Раисы Максимовны. Родители Раисы, которых они навестили после окончания учебы, сообщение о том, что муж срывает ее с аспирантуры и тащит за собой в глухую провинцию, встретили без энтузиазма.

Раиса все же поступила в аспирантуру, однако вслед за мужем, распределенным в Ставропольскую прокуратуру, переехала в Ставропольский край. Михаил решил вернуться на

родину. В университете деревенский паренек приобрел столичный лоск, друзей, связи, знания, членство в партии, но главное – жену. Но законный брак был зарегистрирован еще не так скоро – только 25 сентября 1953 года, т. е. в начале четвертого курса. Свадьбу сыграли в диетической столовой студенческого общежития на Стромынке. Деньги Михаил сам заработал летом, убирая на комбайне хлеб. Платье заказывали вместе в московском ателье у метро «Кировская», но на туфли не хватило – их Раиса одолжила у подруги. Уже поженившись, они с Раисой по-прежнему проживали порознь из-за нехватки комнат в общежитии. Как пишет их дочь, Ирина, «если говорить о любви, то…. у них отношение друг к другу было более бережным, чем сейчас у нас. Они вступали в брак с признанием взаимной ответственности друг за друга. Между папой и мамой было именно то, что называют настоящей любовью… Это чувство выглядело так, как будто они – один человек. У них были и споры, и ссоры, но они были одно целое».

Молодые супруги Михаил и Раиса Горбачёвы, ее сестра Людмила. В центре – прадед сестер. 1954 г.

Встреча с Раисой Максимовной оказалась центральным эпизодом его жизни. С ее появлением особенности душевного устройства Михаила соединились, как в фокусе, преобразовались и стали тем, что мы ныне знаем как характер президента Горбачёва. Характер, как известно, формирует личность.

Первый секретарь – главная опора режима или «постоянно неугомонный»?

Ставрополье иногда называли «теплой Сибирью». После Москвы прежний символ городской современной жизни – старый, уютный губернский город – теперь выглядел совсем иначе. Сонный, малокультурный, грязный городок был чем-то вроде места ссылки для мелкокалиберной номенклатуры. Ставрополь встретил Горбачёвых жарой под сорок градусов и пылью. Типичный провинциальный послевоенный южнороссийский городок, растянувшийся вдоль одной главной улицы. Практически не было общественного, тем более личного транспорта – на работу, в магазины и в гости жители в основном ходили пешком. За исключением, конечно, высшего руководства краем.

Из стен Московского университета Горбачёв вышел, опробовав силы политического бойца молодежного движения. Амбиции у него оставались весьма сильными. В университете он познакомился со многими людьми, с нестандартным взглядом на жизнь и положение в стране. Там он сдружился со своим однокашником Зденеком Млынаржем, в последующие годы одним из руководителей Компартии Чехословакии. Позже Зденек приезжал в гости к нему на Ставрополье. Это была довольно прочная дружба, и о ней Горбачёв вспоминал всегда с неподдельной теплотой. После 1968 года Млынарж станет диссидентом и эмигрантом.

Горбачёв проходил преддипломную практику в Молотовской районной прокуратуре Ставропольского края.

Отправляя 20 июня 1953 года письмо жене в Москву, он пишет: «…Как угнетает меня здешняя обстановка. И это особенно остро чувствую всякий раз, когда получаю письмо от тебя. Оно приносит столько хорошего, дорогого, близкого, понятного. И тем более сильнее чувствуешь отвратительность окружающего… Особенно – быта районной верхушки. Условности, субординация, предопределенность всякого исхода, чиновничья откровенная наглость, чванливость… Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника – ничего выдающегося, кроме живота. А какой апломб, самоуверенность, снисходительно-покровительственный тон! Пренебрежение к науке. Отсюда – издевательское отношение к молодым специалистам… Человек приехал с большими

планами, с душой взялся за работу и уже скоро почувствовал, что все это и всем абсолютно безразлично. Все издевательски посмеиваются. Такая косность и консерватизм».

Молодой специалист быстро убедился, что в Ставропольской прокуратуре с распростертыми объятиями его не ждали. Диплом и значок выпускника МГУ не произвели впечатления на местных, скорее наоборот: чужак, даже будучи земляком, раздражал, грозил нарушить привычные взаимоотношения между «своими».

Холодный прием не остудил темпераментного Михаила. Он понял, что ему придется взяться за устройство будущего, ведь он «сманил» сюда из Москвы свою «Райчонку». Он выехал в Ставрополь, чтобы приготовить все необходимое к ее приезду.

Существовало жесткое правило отработки по распределению не менее трех лет. «Партийные», и отработав этот срок, могли покинуть место, куда их распределили, только с разрешения местной парторганизации. Существовала все же одна тонкость: эти правила отменялись, если молодого специалиста брали на работу в сами партийные органы.

Горбачёв рассказывает, как он отправился в крайком комсомола (комсомольские структуры приравнивались к партийным). Там он выложил свои козыри: партийность, работа в селе комбайнером, полученный орден, университетский диплом, опыт комсомольской работы в столичном вузе. Напористый парень понравился первому секретарю крайкома комсомола Виктору Мироненко. Да и прокурор края не держался за спущенного ему по распределению молодого специалиста, Горбачёва откомандировали в крайком комсомола.

Михаил приступил к работе, где требовались особые качества: энергия, «моторность», умение находить подход к людям. Виктор Мироненко, назначая Горбачёва заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома комсомола, отметил: «Соображает, знает деревню, язык подвешен. Что еще надо?»

Есть и другая версия того, как стартовала партийно-комсомольская карьера Михаила Сергеевича. В определенном смысле началом ее Горбачёв обязан Шелепину и Семичастному. В 1955 году учебные заведения выпустили слишком много юристов, философов и историков. Дело касалось специальностей, которые получили в МГУ и Михаил Сергеевич, и Раиса Максимовна. Руководители комсомола Шелепин и Семичастный обратились к местным секретарям с просьбой: возьмите их на работу в комсомол.

– Только я вернулся в Ставрополь, – вспоминал тогдашний первый секретарь крайкома комсомола Виктор Мироненко, – мне звонит Горбачёв. В правоохранительных органах шло

послесталинское сокращение штатов.

Горбачёв быстро включился в круговерть жизни комсомольского аппарата, особенно в хрущёвскую эпоху.

Выпускник. 1955 г.

Пока длились хлопоты по трудоустройству и устройству жизни, подоспел XX съезд КПСС. М. С. Горбачёв на съезде не присутствовал, но его соратник и идеолог задуманной перестройки А. Н. Яковлев, работавший на Новой площади, свидетельствует: «Достался билет и на заключительное заседание съезда 25 февраля 1956 года. Пришел в Кремль за полчаса до заседания. И сразу же бросилось в глаза, что публика какая-то другая – не очень разговорчивая, притихшая. Видимо, одни уже что-то знали, а других насторожило, что заседание объявлено закрытым и вне повестки дня. Никого из приглашенных на него не пустили, кроме работников аппарата ЦК… Председательствующий, я даже не помню, кто им был, открыл заседание и предоставил слово Хрущёву для доклада «О культе личности и его последствиях». Хрущёв на трибуне. Хмур, напряжен… Я буквально похолодел от первых же слов Хрущёва о злодеяниях и преступлениях Сталина. Все казалось нереальным, даже то, что я здесь, в Кремле, и слова, которые перечеркивают почти все, чем я жил… В зале стояла гробовая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности случившегося, то ли от смятения и страха, который, казалось, уже навечно поселился в советском человеке. Я встречал утверждения, что доклад сопровождался аплодисментами. Не было их… Особый смысл происходящего заключался в том, что в зале находилась высшая номенклатура партии и государства. А Хрущёв приводил

факт за фактом, один страшнее другого. Уходили с заседания, низко наклонив головы. Шок был невообразимо глубоким».

Даже участники съезда поначалу не знали, как реагировать. То, о чем боялись говорить шепотом, было произнесено с самой высокой партийной трибуны. Доклад Хрущёва о культе личности Сталина был секретным и предназначался лишь членам партии, однако его содержание не удалось сохранить в тайне.

Агитационно-пропагандистские кампании следовали одна за другой, Горбачёву пришлось доводить содержание доклада до трудящихся: «Я же поехал как пропагандист от райкома партии разъяснять. В казачий район, Новоалександровский, и я там увидел, что народ не принимает, не верит. Не верит, и все. Тогда я не стал встречаться с большими группами, а начал ездить и беседовал по фермам, по группам и начался разговор. Говорили: “Ну как же так, никто ничего, ничего не знаем, а потом вдруг вот так. Что же это за руководство, что там такое происходит?”» Документ вскоре стал известен за рубежом. Уже в июне 1956 года он был переведен на английский язык и опубликован в США. Примерно тогда же сильно смягченный вариант был обнародован в СССР. Однако на публикацию полного текста доклада разрешение придется давать ему самому во времена перестройки, только в 1989 году.

А пока молодой комсомольский аппаратчик готов ежедневно ко всему: к разъяснению пагубных последствий культа личности, к агитации молодежи на стройки «большой химии» и пропаганде кукурузы. Кампании, местные почины и директивные указания из Москвы сыпались как из рога изобилия, заставляли комсомольских аппаратчиков вертеться круглосуточно. Горбачёв исправно «пахал» на разных участках, куда направлял его крайком. Он объявлял ударные фронты, обеспечивал шефство то над овцеводством, то над «царицей полей» кукурузой, боролся за чистоту партийных рядов, снимая стружку с проштрафившихся. После того как Никита Сергеевич открыл для себя несравненные питательные качества утиного мяса, крайком комсомола переквалифицировался в «утководов». Краевая молодежная газета на первых страницах грозно вопрошала: «Комсомолец, что за сутки сделал ты для утки?» Расплодившиеся птицы заполонили все водоемы. Для их переработки не хватало мощностей, утки, в конце концов, были под шумок изведены – благо из столицы подоспела новая инициатива.

Словом, добросовестно нес аппаратную службу.

Четыре года в Ставрополе Р. М. Горбачёва со столичным дипломом философа не могла найти работу по специальности, и семья жила на заработную плату мужа. А. Зиновьев (один из ее

бывших преподавателей, философ, многолетний советский писатель-эмигрант, в конце 90-х вернулся в Россию) объясняет этот период, на мой взгляд, несправедливо:

«Раиса была очень посредственной студенткой. Специализировалась она на кафедре так называемого научного коммунизма. Только самые глупые студенты специализировались в этой области. Кроме того, она была активисткой в комсомоле и в партии». Ну, то, что она была активной комсомолкой, это правда, хотя известно, что в партии в это время она не состояла. Уточним и то, что преподавание во всех вузах страны курса научного коммунизма было введено в сентябре 1963 года, когда Раиса Максимовна уже окончила и университет, и аспирантуру.

В коридорах философского факультета аспиранты размышляли о ценности свободы, творчества, профессионализма, личностного достоинства, рвения в освоении богатств духа и культуры. Раиса Максимовна училась в аспирантуре вместе с М. Мамардашвили, Э. Ильенковым, Т. Ойзерманом, В. Келле, А. Гулыгой, это непростое соседство.

Выдающиеся интеллектуалы сохраняли и в тех условиях способность самостоятельного критицизма, что же спрашивать с молодой девушки, пусть и с золотой медалью, но выросшей вдали от столичных библиотек, соответствующего окружения и т. п. В интервью, которое М. Мамардашвили за год до смерти, в 1989 году, давал для киевского журнала «Философия и социологическая мысль», интервьюер настойчиво просил выделить какие-то имена коллег, друзей, в том числе университетского времени. Мераб Константинович отдельные имена перечислять не стал по принципиальным соображениям. «Могу, – сказал он, – назвать общую атмосферу философского факультета Московского университета, сформировавшуюся в 1953–1955 годах. Имена я, конечно, помню, но выделить их из общей атмосферы взаимной индукции мысли – нет, это невозможно. Да и не имена важны, а сама эта атмосфера общения, эти искры озарения, творчества… Многие из нас, варившиеся в этой атмосфере, стали совсем непохожими философами, и это нормально; важно, что они стали ими, состоялись как интересные личности».

То, что Раиса Максимовна состоялась как интересная личность, признает теперь каждый.

Она начала работать лектором в Ставропольском отделении Всероссийского общества «Знание». Сотни километров сельских дорог – на попутной машине, мотоцикле, телеге, а то и пешком в резиновых сапогах добиралась и жена Горбачёва до своих слушателей. Это «разовая» работа, связанная с приездом, как

правило, в обеденный перерыв на разные предприятия в городах или деревнях, оплата зависела от количества прочитанных лекций.

Р. М. и М. С.Горбачёвы, Ставрополь, конец 1950-х гг.

Михаил захлебывался работой, Раиса старалась не отставать – по ставропольским поселкам в ходе или после лекции проводила социологические исследования, которые провинциальным женам местных комсомольских и партийных комитетчиков казались комичным и глупым занятием. Затем она устроилась на кафедру философии Ставропольского медицинского института, Ставропольского сельскохозяйственного института, одновременно занимаясь социологией. «Практика конкретных социологических исследований, в которых я участвовала в течение многих лет, – вспоминала Раиса Максимовна, – подарила мне и встречи с людьми, пронзительные, исполненные потрясающей психологической глубины картины, реалии жизни, которые я никогда не забуду. Сотни людей, опрошенных мною по самым разным вопросам, их воспоминания, рассказы, оценка происходящих событий – все это осталось в моей памяти и судьбе. Их повседневный быт, заботы… Моя «конкретная социология» – это социология с человеческим лицом, с лицами и судьбами, которые вошли в мою судьбу. Она резко углубила мои представления о «живой жизни», мое понимание этой жизни, людей. Именно в ходе таких встреч, наяву, не из книжек и газет, не в театре и не из фильмов поняла я и многие

наши беды, сомнительность многих безоговорочных утверждений и устоявшихся представлений», сыгравшей, по ее признанию, важнейшую роль в ее профессиональной судьбе. Материалы социологических исследований легли в основу ее диссертации. Защита состоялась в 1967 году в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. Сам Горбачёв вспоминал, что до избрания первым секретарем крайкома у него «были попытки уйти в науку… я сдал минимум, написал диссертацию». Заочно в 1967 году Горбачёв окончил экономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института по специальности «агроном-экономист».

То, что не заметил и негативно оценил в Раисе Максимовне Зиновьев, ценил ее муж – Михаил Горбачёв. Он всю жизнь удивлялся, откуда в сельской девочке родилась «эта порода». Все ее мироощущения проистекали из неиссякаемого стремления оставаться самодостаточной при любых внешних обстоятельствах, искать новые формы выражения личности. Не меркнущее с годами стремление к большему, к экстраординарному Михаил Горбачёв ценил в своей супруге больше всего на свете. Ее вклад в семейное дело всегда был весомым, но при всех трудностях жизни на съемных квартирках и в коммуналке главным стимулом оставалось развитие личности. Это обеспечило ей и социальную автономность, узнавание не только как «жены Горбачёва». Она умела учиться непринужденно, оценивая потенциал и человеческие качества разношерстного окружения Горбачёва. В сверхплотных графиках работы Горбачёва она выкраивала временные моменты расслабления и переключения внимания на близкое общение с природой, походы в театр, страсть к всевозможным поездкам и путешествиям. Все прижилось в семье.

Бытовые условия семьи были более чем скромные. Начинали Горбачёвы в Ставрополе жить в 11-метровой комнате с дровяной печкой и удобствами во дворе, которую снимали у пенсионеров. Пищу готовили на керогазе. Вскоре стало тесно: в январе 1957 года родилась дочь Ирина. Через пару лет семья перебралась в коммуналку, где они занимали уже две комнаты. Первую отдельную квартиру получили уже после того, как Михаил стал первым секретарем крайкома комсомола. До холодной роскоши дачи в Форосе – дистанция огромного размера…

Дочь Ирина вспоминает: «Мама и папа везде таскали меня за собой. Они много гуляли, и я с ними – хотя ноги уже заплетались. Главным их увлечением были походы. Мы уходили в горы на целый день – без палатки, потому что нам важно было именно идти. Папа пел, а мы с мамой считали, что у нас недостаточно

развиты вокальные данные». Родители вынуждены были отдать девочку в детский сад, «несмотря на то что я там скучала, плакала. Маме было очень сложно. Трудно было найти работу по специальности, все кафедры были забиты фронтовиками и партработниками, а она в то время была беспартийной. Какое-то время она даже работала в библиотеке. Трудно было писать диссертацию по социологии, которая тогда только начинала зарождаться. Трудно было работать и поддерживать порядок в доме. Но работа для нее всегда была очень важна. Позднее, когда мы переехали в Москву и у нее появились новые обязанности, мама уже не могла больше заниматься, писать докторскую и очень переживала из-за этого». Американский психолог Гейл Шихи пишет в своей книге: «В Советском Союзе социология была изуродована тем же самым антиинтеллектуальным фанатизмом, который способствовал и разрушению сельского хозяйства, но Раиса Горбачёва была одним из тех редких ученых, которые в шестидесятые годы осмеливались проводить независимые исследования среди крестьян-колхозников».

«В Ставрополе мы, конечно, чувствовали себя более обеспеченными, чем другие. Да и в Москве в первые годы тоже. Но потом нас как-то очень быстро обогнали. У меня, как и у всех, были продовольственные карточки, с которыми я ходила по магазинам. Конечно, папе и маме этого не приходилось делать, да и я в любой момент могла что-то у них попросить. Мама безумно переживала из-за того, что мы могли себе многое позволить, а другие люди – нет. Но икру ложками мы никогда не трескали, потому что мама считала, что это вредно. В основном сидели на твороге, потому что надо было вес держать. У нас дома всегда был культ походов, здорового образа жизни. Поэтому и антиалкогольная кампания на нас никак не отразилась. Водку мы тоже не пили. У нас всегда что-то было спиртное и, наверное, в большем количестве, чем у обычных людей, но это не имело никакого значения».

Как рассказывала при жизни сама Раиса Максимовна, в последние годы в Ставрополе у Михаила Сергеевича как 1-го секретаря крайкома была довольно приличная зарплата – 600 рублей. У Раисы Максимовны, доцента вуза, – 320. Конечно, с продвижением по карьерной лестнице появлялись новые возможности для улучшения быта. В партийной иерархии такие вещи расписывались до мелочей. К установленным порядкам Горбачёвы привыкали и, конечно, пользовались раз от разу возраставшими привилегиями. Например, начав от участия в «складчине» очередному командированному в Москву для покупки дефицита, жене первого секретаря крайкома дефицит

(т. е. импортные товары) уже подготавливался по заявке в соответствующий отдел ЦК и пересылался в Ставрополь. Став секретарем ЦК, Горбачёв получал уже 800 рублей в месяц плюс 200 рублей «на питание».

На отдыхе с друзьями в предгорьях Ставрополья. 1960-е г.

Было и другое сообщество, то самое – неразговорчивое, притихшее во время чтения Хрущёвым судьбоносного и для них доклада. В этом сообществе, именуемом партноменклатурой, он делал свою партийную карьеру, шагал по ступенькам ее так, что многие и до сих пор считают его «ставропольским везунчиком». Но присмотримся к этому сообществу внимательнее, многие успели его позабыть. Молодые вообще не узнают тогдашних коллег Михаила Сергеевича в своих постаревших ближних и дальних родственниках, в больших начальниках, руководящих крупными фирмами, холдингами, банками.

Что было самой заветной мечтой молодого номенклатурщика? Стать первым секретарем обкома, крайкома, по должности это уже член Центрального Комитета КПСС и депутат Верховного Совета СССР или республики по меньшей мере. На большее без особого покровительства «сверху» и не мечтали, да и небезопасно это было. Очень важно понять особую роль первых секретарей республиканских ЦК, обкомов и крайкомов партии. Они составляли большинство в ЦК КПСС, фактически их голосами избирался Генеральный секретарь. Это ставило их в особое положение. Именно они, пережив шок от хрущёвского доклада, обеспечили победу Хрущёва в борьбе с группой Молотова и Маленкова. И они же свалили его в октябре 1964 года. Они – одна из главных опор режима.

Первых секретарей можно сравнить разве что с положением прежних царских губернаторов. Вся полнота власти на местах практически была в их руках. Весь аппарат управления регионом, даже выборные органы они подгоняли под себя. Через них проходила вся жизненная энергия страны, ими связывались в единую систему все государственные и общественные структуры.

Ни одно назначение не могло пройти мимо них, любые маломальски руководящие должности входили в номенклатуру обкома или крайкома. Реальная сила была в их праве согласовывать назначения на все руководящие должности в государственных и общественных структурах на «своей» территории.

В общем, первый секретарь – это своего рода феномен, ключевая фигура в системе власти. Свою должность и огромную власть он получал не от народа, не в результате альтернативных выборов, а из рук Москвы – Политбюро, Секретариата, лично Генерального секретаря ЦК КПСС. В этом была уязвимость, двойственность положения первого секретаря. Каждый прекрасно знал, что он тут же лишится и должности, и власти, как только будет потеряно доверие генсека. Система, стараясь снять сливки, тщательно отбирала наиболее активных, энергичных руководителей повсюду.

Подающую надежды молодежь регулярно приглашали на «взрослые» мероприятия. Михаила вскоре заметил новый краевой партийный руководитель Ф. Д. Кулаков, отправленный Хрущёвым подальше от столицы, в Ставрополье, в 1960 году. С подачи Кулакова Горбачёв стал делегатом XXII съезда КПСС. Так он оказался в составе ставропольской делегации среди тех, кто в октябре 1961 года голосовал за вынос из Мавзолея тела Сталина.

«А как же, и я поднимал руку», – вспоминал Михаил Сергеевич, рассказывая такой эпизод. После окончания затянувшегося заседания он торопился выйти из Спасских ворот, чтобы выполнить какое-то поручение Ф. Д. Кулакова. В проходной группу делегатов попросили задержаться. Ожидание затянулось. Когда как обычно нетерпеливый Горбачёв попробовал выяснить, в чем дело, один из часовых, преграждавших им путь, сказал: «А вот, выполняем ваше решение насчет Сталина». Вокруг оцепленного Мавзолея суетились военные и рабочие, занятые захоронением мумии вождя. По стране катилась новая волна «оттепели».

Кулаков содействовал избранию Горбачёва первым секретарем крайкома комсомола. Уже через год, с марта 1962 года, он перевел его на работу парторгом крайкома КПСС Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а еще год спустя, в январе 1963-го, поставил во главе ключевого орготдела. «Кулаков был мужик резкий, крутой, требовательный, типичный представитель «нажимной» административной школы, – вспоминает Михаил Сергеевич. – Он, конечно, мог и разнос устроить, и выматерить, как водится в России. Но работал с душой, за дело болел и при этом никогда не поручал мне что-то сомнительное, хотя я знаю,

что от других мог потребовать что в голову придет и чего душа пожелает». Стиль кулаковского руководства оказал глубокое воздействие на молодого Горбачёва, и позднее тот не раз пытается имитировать Кулакова на разных постах, включая высший пост советской империи. С 1963 года Горбачёв – заведующий отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС. Во взаимоотношениях номенклатуры были возможны и хамство, и грубость, и мат в обиходе. Рефреном при этом звучало «Иначе партбилет на стол положишь!», что автоматически означало вычеркивание из списка номенклатуры и лишение руководящей должности. Горбачёв впитывал эти правила: если ты попадал в номенклатуру, каждому отводилось определенное место в этой системе, он должен был следовать определенным правилам игры.

В 1964 году Кулаков перебрался в Москву, возглавил сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС. Осенью 1964 года в Тебердинском заповеднике во время прогулок и за вечерним застольем план снятия Хрущёва был выверен до последних деталей. Кремлевские гости доверяли Кулакову, он числился среди жертв хрущёвского произвола, и его поддержка заговора считалась само собой разумеющейся. И в самом деле, Кулаков все более приходил в отчаяние от непоследовательности и необузданной импульсивности Хрущёва. Горбачёв в это время ведал в Ставропольском крайкоме кадрами и к заговору по номенклатурной незначительности не примыкал. Однако вообще не знать о заговоре он не мог, будучи доверенным лицом Кулакова и наблюдая небывалое скопление кремлевских тузов в глубокой провинции. Видимо, это был первый усвоенный Горбачёвым урок борьбы за верховную власть, хотя настоящая школа интриг у него впереди, когда его непревзойденным учителем станет Андропов.

Кулаков быстро продвигался в кабинетах на Новой площади и уже на следующий, 1965 год избран секретарем ЦК КПСС. Членом Политбюро ЦК КПСС он стал с 1971 года.

В сентябре 1966 года Горбачёв избран первым секретарем Ставропольского горкома партии, в этом же году впервые побывал за границей, в ГДР.

С новым, сменившим Кулакова, первым секретарем крайкома Л. Н. Ефремовым отношения у Михаила Сергеевича, видимо, не стали такими доверительными, как с Кулаковым. По словам М. С. Горбачёва, за Л. Н. Ефремовым, опытным партийным функционером, руководившим обкомами в Куйбышеве, Курске, Горьком, прочно закрепилась репутация рьяного сторонника Хрущёва. Заканчивал любую беседу так: «Вот что сказал по этому

вопросу товарищ Хрущёв. Из этого вы и исходите». В план заговора против Хрущёва в 1964 году Ефремова не посвящали. Наш историк и политолог Жорес Медведев считал Леонида Ефремова человеком «хорошо образованным, либеральным», более «опытным и умным, чем Кулаков». Французский историк Мишель Татю сообщал, что в Ставрополе вспоминают Ефремова как человека «культурного».

Личность и человеческие качества бывшего первого секретаря Ставропольского обкома не представляли бы особого интереса для историка, если бы Леонид Ефремов не был в течение полутора лет начальником Михаила Горбачёва. Ефремову он не понравился, но из Москвы от Кулакова шли настоятельные рекомендации о выдвижении М. С. Горбачёва при каждой заметной вакансии.

С августа 1968 года под нажимом Кулакова Горбачёв тем не менее стал вторым секретарем крайкома. Впереди открывались новые горизонты, а поддержка Кулакова, к тому времени уже члена Политбюро ЦК, прибавляла уверенности. Сюзерен в Москве – замечательная предпосылка успешной карьеры. Работа Горбачёва вторым секретарем крайкома – это увлекательнейшее повествование о ней и о нем многих еще живых свидетелей. Разные события в коридорах крайкомовской и кремлевской власти характеризуют царящие в стране провинциальные и столичные нравы тогдашней элиты. Они касались и устройства быта и его крайкомовской специфики, это и козни и интриги между соперниками, и вовлечение в эти «сражения» жен и своих подчиненных. Такие факты, конечно, субъективны, свидетельства слабо верифицируемы, хотя, конечно, какие-то нюансы человеческого характера и уточняют. Слаб человек, на какую бы высоту общественного положения он ни вознесся…

Но вот еще один пример сложного положения Горбачёва при Ефремове. Биографы Горбачёва проходят мимо «короткой, но исключительно резкой», как считал публицист Юрий Черниченко, дискуссии о путях развития советского сельского хозяйства. Дискуссия проходила в 1967 году. Одну сторону представлял экономист и публицист Геннадий Лисичкин, другую – Леонид Ефремов. Геннадий Лисичкин – из плеяды известных публицистов-экономистов, будущих «прорабов перестройки» – Анатолия Стреляного, Юрия Черниченко. Он – выпускник МГИМО, молодой дипломат, получив назначение в Данию в статусе пресс-атташе советского посольства, уехал не за границу, а добровольцем – председателем колхоза в Казахстан на освоение целины. Обретя практическое знание жизни на «земле» и став великолепным экономистом-аграрником, он описывал в одной из

статей положение, которое он наблюдал в хозяйственной жизни Северного Кавказа, т. е. на территории, где «хозяином» и был Л. Ефремов. Геннадий Лисичкин предложил менять «хозяйственный механизм», развивать товарные отношения и свободные закупки. Леонид Ефремов категорически осудил этот путь, обрушившись на «фетишизацию товарно-денежных отношений». Первый секретарь крайкома наябедничал в ЦК КПСС в отдел агитации и пропаганды, чтобы «урезонили» активничающего «советчика». Как повел себя в этой дискуссии Горбачёв? Ведь Г. Лисичкин из думающих смельчаков, на которых он будет опираться в годы перестройки. Горбачёв не мог да и не стал ни спорить, ни вмешиваться, естественно, в спор своего непосредственного начальника. Это было не по правилам. Но хотелось ли спорить? На этот вопрос может ответить только он сам. К этому времени Михаил Сергеевич – эксперт в области сельского хозяйства. Он заочно окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт.

Ефремов продолжал поддерживать Горбачёва. Его самого отзывают в Москву, и он рекомендует на свое место Горбачёва. Одной рекомендации бывшего первого секретаря недостаточно. Необходимо решение Москвы, ибо первый секретарь краевого комитета партии – номенклатура Политбюро.

В Ставрополе Ефремов, как помним, оказался из-за своей близости к Хрущёву. Но держать его на партийной работе Брежнев не хотел и отправил в Государственный комитет по науке и технике. Прежде чем попрощаться, спросил:

– А кого выдвинем первым секретарем крайкома вместо тебя?

Ефремов сказал, что не ожидал такого поворота дела, специально на эту тему не думал, ни с кем не советовался. Но все первые секретари были присланы из Москвы. А почему бы и не выдвинуть человека из краевой парторганизации? Брежнев одобрительно кивнул:

– В принципе твои соображения правильны. К нам приходят письма из Ставрополья, что много посылаем руководителей сверху. Но кого конкретно рекомендовать на пост первого секретаря, если не посылать работника из ЦК? Какие у тебя соображения?

Ефремов сказал, что есть две очевидные кандидатуры – председатель краевого исполкома Босенко и второй секретарь крайкома Горбачёв.

– Как ты охарактеризуешь каждого в отдельности? – спросил Брежнев.

К отбору первых секретарей Леонид Ильич относился исключительно серьезно.

– Горбачёв – молодой работник, окончил Московский

университет, активный человек. Два года работает вторым секретарем.

Ефремов добавил, что Горбачёва, по его сведениям, выдвигал на партийную работу Фёдор Давыдович Кулаков:

– Можно узнать его мнение и о Горбачёве, и о Босенко. Наверное, скажет свое слово и Юрий Владимирович Андропов. Он родился на станции Нагутская Ставропольского края. Он хорошо знает своего земляка Горбачёва и может дать ему свою оценку.

Брежнев сказал, что они обдумают этот вопрос в ЦК.

Итак, Горбачёв, что интересно, при поддержке Кулакова, участвовавшего в заговоре против Хрущёва, и по рекомендации сторонника Хрущёва Ефремова 10 апреля 1970 года наконец становится первым секретарем Ставропольского краевого комитета партии. Ему 39 лет. В 1970 году он избран членом Верховного Совета СССР, где до 1974 года входил в комиссию по охране природы одной из палат. Затем по 1979 год он – председатель Комиссии по делам молодежи Совета Союза Верховного Совета СССР.

Край – самая крупная единица административного деления в РСФСР. Крупные территории, расположенные на окраинах (отсюда название) Российской Федерации, их особенность в том, что в состав входят автономные области, населенные малочисленными народами, не получившие из-за этого права называться автономными республиками. В Ставропольский край входила Карачаево-Черкесская автономная область, населенная кавказскими народами – карачаевцами, черкесами, абазинцами. В крае проживали ногайцы, греки, армяне. Ставрополье соседствует с рядом автономий, которые ликвидировались или переименовывались по причине депортаций народов, их населяющих. Уже вернувшись после окончания МГУ, Горбачёв будет наблюдать, как шла их реабилитация, возвращение людей, возвращение территорий, присоединенных в том числе и к Ставропольскому краю. С этой точки зрения – очень неспокойная территория.

Мария Пантелеевна Горбачёва (Гопкало) и Горбачёвы Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна в родном селе. 1970-е г.

Ставропольский край занимал территорию в 80 с лишним тысяч квадратных километров (что равно территории Бельгии, Швейцарии и трех Люксембургов). На территории края располагались всемирно известные курорты Кавказских Минеральных Вод, горные курорты Домбая, Теберды.

Первый секретарь крайкома – пост, дающий место в верхнем эшелоне власти. Он автоматически избирается в Центральный Комитет, становится депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР. Главное – он обладает колоссальной реальной властью. Журналисты «Тайм» позднее напишут в биографии Генерального секретаря, что Горбачёв «стал практически губернатором территории, хотя он обладал значительно большей властью, чем губернатор американского штата».

Первый секретарь недаром звался – Хозяин. Обладая идеологической властью, он располагал и административной властью. Москва контролировала деятельность первого секретаря издалека, и если на его территории не происходило никаких особых катастроф, он хозяйствовал в зависимости от своих возможностей и вкусов – так, как хочет.

Ставропольский край – сельскохозяйственный регион. Горбачёв, конечно, уделял большое внимание сельскому хозяйству. Это – регулярные контрольные поездки по колхозам и совхозам края, призывы искать и внедрять новые формы организации труда. Но в 70-е годы, если не было хорошего урожая, мало что помогало вовремя его собрать и сохранить. Не помогали ни студенты, ни школьники, ни горожане, мерзшие на свекольных или картофельных полях. Люди стали забывать страх, снижался «трудовой» энтузиазм, росла показуха. Эта болезнь распространялась на все советское общество. Люди погружались в собственные интересы, превращались в «размытую социально-невыразительную массу, утрачивающую… систему ценностей и

идеалов». Людьми овладевала общественная апатия, они понимали, что, работая, оказывались в длинных очередях перед пустеющими продуктовыми прилавками. «Край, производящий знаменитую ставропольскую пшеницу, мясо, молоко, сдающий тысячи тонн шерсти, постоянно испытывал недостаток в основных продуктах питания и других товарах», – это признавала Раиса Максимовна. В то будущее, о котором рассказывали агитаторы и пропагандисты, люди не верили, настоящее они не понимали, а в прошлом не находили примеров для подражания.

Горбачёв пытается связать производительность труда колхозников с оплатой, приблизить колхозника к земле, пробудить у него интерес к работе. Не влияют усилия на урожай, размеры которого резко меняются каждый год. С 1970 года Фёдор Кулаков в качестве секретаря ЦК ведает сельским хозяйством. Высокие урожаи (1973, 1976 годов) он умело приписывает своему руководству, плохие урожаи (например, катастрофический 1975 года) объясняет бездарной деятельностью министра сельского хозяйства. Избрание Кулакова (после хорошего урожая) членом Политбюро вводит его в круг претендентов на пост Генерального секретаря. Он ищет пути достижения постоянных высоких урожаев, что увеличило бы шансы в борьбе с конкурентами в Политбюро. Никто не хотел признавать, что советское сельское хозяйство смертельно больно после коллективизации, высокие урожаи зачастую случайны из-за хорошей погоды, кукуруза Хрущёва и химизация Брежнева – кратковременные паллиативы. Кулаков предложил свой «метод». Признав известный факт, что примерно 20–30 % урожая теряется во время жатвы, Кулаков потребовал от ученых разработать метод быстрой уборки. Ростовский научно-исследовательский институт механизации и электрификации сельского хозяйства предложил создать специальные отряды по уборке. Каждый отряд получал для идеологической поддержки двух профессиональных агитаторов из партийного комитета, 8 полуштатных агитаторов, 4 политинформаторов и одного лектора. Кроме того, создавались «подвижные партийные организации» и «подвижные комсомольские группы», которые перемещались вместе с хлебоуборочными машинами.

Испытание волшебного средства Кулаков поручил Горбачёву. Для пробы выбран Ипатовский район, засеянный озимой пшеницей, созревающей в одно время. Опыт закончился полным «успехом». Уборка в Ипатовском районе завершилась в рекордные сроки. Правда, значительная часть собранного урожая из-за спешки – потери составляли опять от 25 до 50 % – оказалась утраченной. Но в Москву Михаил Сергеевич отрапортовал «как

положено». По итогам ЦК даже принял специальное постановление «Об опыте работы Ипатовской парторганизации на уборке урожая». Леонид Ильич Брежнев прислал поздравление хлеборобам района.

Впервые «Правда» публикует интервью с М. С. Горбачёвым, и одновременно печатается резолюция ЦК, рекомендующая применение «ипатовского метода» по всей стране. Михаил Горбачёв награжден орденом Октябрьской Революции.

Очень скоро выясняется (открыто об этом будет сказано в 1983 году), что «ипатовский метод» – трюк, дорогостоящий и ничего не дающий. Сегодня специалистами сельского хозяйства он расценивается как авантюра. Но Михаил Сергеевич воспринял это как личное достижение.

В своих выступлениях, речах на различных форумах Горбачёв прославляет Генерального и других секретарей ЦК КПСС. Он ставит на обсуждение пленумов крайкома партии вопросы с формулировкой не только о задачах по выполнению постановлений ЦК КПСС, но и одновременно о задачах, вытекающих из указаний Генерального секретаря Л. И. Брежнева, он восхваляет его заслуги и выдающуюся роль в жизни страны. Например, в речи, с которой он выступил на совместном заседании городского комитета партии и городского Совета народных депутатов по случаю вручения секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым городу Ставрополю ордена Октябрьской Революции за достижения в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 200-летием со дня основания. Это было 12 мая 1978 года, за несколько месяцев до перехода в Москву.

Таковы правила номенклатурной жизни, ее на многочисленных собраниях и совещаниях «простые» трудящиеся с иронией и скукой наблюдали из залов, где раз за разом проводились подобные мероприятия.

Сельскохозяйственные успехи края были необходимым, но недостаточным условием успешной карьеры. Михаил Горбачёв – первый из семи верховных руководителей партии – обладал длительным, почти восьмилетним опытом власти примерно над 3 миллионами человек. Он, как настоящий Хозяин – полновластный, – знал многих непосредственно.

Но голубая мечта – «в Москву, в Москву, в Москву» – гнездится в душе каждого первого секретаря, не забудем и его жену – Раису Максимовну.

Как обратить на себя внимание?

У Горбачёва несколько раз была возможность вернуться в Москву. Дважды кандидатура Горбачёва рассматривалась для перехода на работу в КГБ. В 1966 году его предлагали на пост

начальника управления КГБ Ставропольского края, но его кандидатуру отверг Владимир Семичастный. В 1969 году Юрий Андропов рассматривал Горбачёва как возможного кандидата на пост заместителя председателя КГБ СССР. В 1973 году секретарь ЦК КПСС Пётр Демичев делал ему предложение возглавить отдел пропаганды ЦК КПСС, где несколько лет Александр Яковлев исполнял обязанности заведующего. Посоветовавшись с Михаилом Сусловым, Горбачёв отказался. По свидетельству бывшего председателя Госплана Николая Байбакова, он предлагал Горбачёву пост своего заместителя по вопросам сельского хозяйства.

После снятия члена Политбюро Дмитрия Полянского с поста министра сельского хозяйства СССР (1976 год) Кулаков обсуждал с ним пост министра сельского хозяйства. Но министром назначен Валентин Месяц.

Административный отдел ЦК КПСС предлагал Горбачёва еще на пост Генерального прокурора СССР вместо Романа Руденко, но кандидатуру отверг секретарь ЦК КПСС Андрей Кириленко.

Первый секретарь Ставропольского – курортного – края имел величайшую привилегию: общаться и услуживать стареющим московским партийным бонзам, приезжавшим лечиться в здравницах Северного Кавказа. В Бекешевке Михаил Сергеевич сам выбрал место под строительство резиденции для своей семьи, куда можно приглашать и гостей. Ведомственную дачу в Архызе отделали итальянскими и французскими строительными материалами. Дача прекрасно вписывалась в горный ландшафт. Огромный зал обставили трофеями, завели специальную комнату для игры на бильярде. За обеденным столом размещался не один десяток званых гостей. Шикарные спальни для хозяев и для приезжих обставлены прекрасной импортной мебелью. В цоколе каждый мог попариться в русской и финской банях. Не дача, а роскошные барские хоромы в лесу, где можно было и поохотиться. Здесь Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна отметили свою серебряную свадьбу.

В Ставрополе перестроили гостиницу «Интурист», по сути, превратив ее в личную дачу Горбачёва. Строились также дома отдыха в селе Отрадном, на Маныче. В общем, все делалось в угоду себе и высокопоставленным лицам. Устраивались вечеринки, праздники, обеды, дни рождения. Ничто не могло настолько содействовать росту популярности Горбачёва среди московской знати. Чета Горбачёвых, как правило, лично встречала не только членов Политбюро ЦК, но и жен, и дочерей высшего партийного руководства.

Они расстарались перед дочкой Брежнева Галиной,

приезжавшей на отдых с мужем Юрием Чурбановым. Для них устраивались шикарные застолья.

С неменьшим пиететом организовывались встречи и отдых жены всесильного главы МИДа А. А. Громыко и дочери второго человека в партии М. А. Суслова. Михаил Сергеевич гостеприимно принимал министра внутренних дел Н. А. Щёлокова, близкого к Брежневу. Горбачёв неоднократно встречался с председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, секретарями ЦК В. В. Долгих, К. Ф. Катушевым, И. В. Капитоновым, А. Б. Кириленко, первым секретарем Московского горкома партии, членом Политбюро ЦК В. В. Гришиным – и, естественно, со своим предшественником и покровителем Ф. Д. Кулаковым.

А Горбачёв и не скрывал: «Много чего приходилось делать, чтобы ублажить московских чинуш». Фотографировался на память с Андроповым, Косыгиным, Устиновым, Сусловым… Отношения между людьми лучше складываются у костерка, под шашлычок, на прогулках, охоте и рыбалке, чем в ходе жестких производственных или идеологических дискуссий. Естественно, их встречает Хозяин края, первый секретарь. Завязываются знакомства. В 70-е годы в Кисловодск любили приезжать лечиться Суслов, Косыгин, Андропов, Кулаков. Брежнев предпочитал Кавказ.

17 июля 1978 года совершенно неожиданно умирает Фёдор Кулаков. Загадочное медицинское коммюнике, подписанное личным врачом Брежнева академиком Чазовым, сообщало, что сердце Кулакова «перестало биться». Он был похоронен со всеми почестями, при отсутствии, однако, на похоронах Брежнева, Косыгина и Суслова. Погребальную речь на Красной площади произнес Михаил Горбачёв: впервые советский народ мог увидеть будущего вождя.

Умерев, Фёдор Кулаков оказал последнюю услугу своему фавориту. В 1978 году Суслов, Косыгин и Андропов приезжают – в августе и сентябре – на минеральные воды в Ставропольский край. В сентябре по дороге в Баку, остановившись в Краснодаре, Брежнев и Черненко заезжают в Минеральные Воды, где беседуют с Горбачёвым. Об этом сообщают на первых страницах газеты. В октябре в Ставрополь приезжает Андрей Кириленко, член Политбюро и секретарь ЦК, которого в тот момент считали «вторым секретарем».

27 ноября 1978 года пленум ЦК «поддержал» перемены в Политбюро и секретариате. Брежнев ввел в Политбюро Черненко, кандидатом избран 73-летний Тихонов, будущий премьер-министр, секретарем ЦК стал Михаил Горбачёв. 47-летний

Горбачёв стал самым молодым партфункционером, кандидатуру которого Брежнев одобрил в качестве секретаря ЦК КПСС. Ставропольский период жизни Горбачёва, длившийся почти четверть века, кончился. Он вернулся в столицу, перепрыгнув сразу множество ступеней на лестнице славы.

Москва – СССР – и весь мир…

Раиса Максимовна Горбачёва считала избрание Михаила Сергеевича секретарем ЦК в 1978 году на Пленуме ЦК КПСС «нежданно-негаданным». Конечно же, такие кадровые подвижки не только планировались. Они и «устраивались» заранее. Конечно, Горбачёв был «в курсе». Р. Пихоя, первым ознакомившись с недоступными и сегодня документами, утверждал, что на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству рассматривались две кандидатуры – М. С. Горбачёва и первого секретаря Полтавского обкома партии Ф. Т. Моргуна. Выбор Горбачёва обосновывался тем, что Ставрополье – традиционно крупный центр сельскохозяйственного производства и Горбачёв заочно окончил в Ставрополе сельскохозяйственный институт.

Раиса Максимовна утверждает – муж предупредил заранее: «Я вернулась с работы поздно вечером около, 22 часов. Раздался телефонный звонок. Звонил Михаил Сергеевич. “Знаешь, неожиданное для меня предложение. Завтра – пленум. Жди. Обязательно позвоню”». Политическое вознесение Михаила Горбачёва – побочный продукт «больших кремлевских игр», которые в 1978 году вступили в решающую стадию.

Для того чтобы Горбачёв попал в Москву, в жестокой борьбе столкнулись два его главных покровителя – Ю. В. Андропов и Ф. Д. Кулаков. Борьба закончилась победой первого и смертью последнего. Михаила Сергеевича Горбачёва включили в похоронную комиссию как представителя Ставрополья. Он впервые поднялся на трибуну Мавзолея, чтобы произнести прощальное слово Кулакову.

Горбачёв во всех книгах (обходя эту сторону, но на нее намекают другие мемуаристы) не устает рассказывать, как обстояло дело с его назначением на должность секретаря ЦК КПСС. Он пишет: «25 ноября я прилетел из Ставрополя в Москву. А в воскресенье часов в 12 оказался на юбилее у своего земляка и друга еще по комсомолу Марата Грамова. Ему исполнилось 50. Это, конечно, был повод для встречи друзей. На Малой Филевской улице, в новом доме, в квартире на четвертом этаже собрались несколько человек, в основном ставропольцы. За тостами пошел разговор. Говорили, в частности, о том, кто заменит скончавшегося Кулакова на посту секретаря ЦК КПСС. Мы, областные секретари, члены ЦК, знали, как говорили тогда, «кто на подходе». Иногда с нами по таким вопросам советовались. На сей раз консультаций не было. В застолье прошло несколько часов, а в конце выяснилось, что меня тщетно целый день

разыскивают сотрудники Черненко. Оказывается, со мной хотел встретиться Леонид Ильич Брежнев. Позвонили в гараж Управления делами ЦК, выяснили, что Горбачёв вызывал машину, нашли шофера, который меня отвозил по адресу Грамова. В середине дня позвонили на квартиру. Никто из сидевших за столом не обратил внимания на телефонный звонок. А сын Грамова на просьбу пригласить к телефону ответил – «не туда попали»…

Прошло еще два-три часа. И уже около 7 часов приехал еще один ставрополец и сказал, что в гостинице всех поставили на ноги – ищут Горбачёва».

Рассказывает помощник Генерального секретаря К. У. Черненко в 1984–1985 годах В. Прибытков. В 1978 году он был сотрудником Общего отдела ЦК, который возглавлял Черненко:

– Если бы я тогда… оказался чуть менее расторопным, все сложилось бы по-иному в «доме Облонских»… Одно из главных событий в жизни Горбачёва произошло 26–27 ноября 1978 года… В 20 часов меня разыскал К. У. Черненко и попросил найти Михаила Сергеевича. Дал мне кремлевские телефоны, по которым Горбачёв мог позвонить ему в течение часа. Я узнал, что Горбачёв с Раисой Максимовной (вот здесь нестыковка, оказывается, Раиса Максимовна не поджидала его звонка в Ставрополе! – *Т. К.*) находился на дне рождения у заместителя заведующего отделом ЦК КПСС М. В. Грамова, и передал просьбу Константина Устиновича. Времени оставалось достаточно, но он позвонил только через час, понимая, что Черненко его больше не ждет. Поступил так потому, что боялся попасть на глаза «под мухой». В гостинице, когда я отдал Михаилу Сергеевичу список телефонов, он воскликнул: «Этот вызов очень важен для истории!»

Видно, он уже знал, что имел в виду Черненко, с которым у него сложились доверительные отношения. Просто ждал результата своего разговора с Леонидом Ильичом.

Надо сказать, что в глазах Горбачёва Черненко поначалу не представлял большой величины. Но, поняв, что заведующий Общим отделом ЦК КПСС человек Брежнева, тут же… зачастил к нему в Кисловодск, где тот часто отдыхал. Когда мы открыли в Пятигорске музей и мемориал Славы, посмотреть его Черненко приехал с женой. Их восхитила армейская выправка учащихся в военной форме, печатавших шаг. Ритуал у «Вечного огня Славы» проходил под траурную музыку, что растрогало супругу Черненко до слез.

Рапорт ребят Константин Устинович передал Л. И. Брежневу. Вскоре пришло письмо генсека с поздравлением юных часовых, в котором он приветствовал патриотическое начинание в

Пятигорске… Это событие окончательно убедило Горбачёва в том, что Черненко запросто вхож к Брежневу. Теперь Михаил Сергеевич часто вместе с Раисой Максимовной сопровождал семью Константина Устиновича в Домбай, Архыз, на рыбалку…

В восемь часов он был в Кремле, а в девять его принял Черненко и объявил, что, по согласованию с Брежневым, на пленуме его будут избирать секретарем ЦК КПСС.

После избрания, во время перерыва, все кинулись поздравлять Михаила Сергеевича, и он воскликнул: «Теперь страна в наших руках!» (Так что вопрос об избрании на пленуме был чисто технический.)

На следующий день в «Правде» появилось короткое сообщение об избрании М. С. Горбачёва секретарем ЦК КПСС. Отсутствие в центральном партийном органе портрета настолько рассердило новоиспеченного секретаря ЦК, что он швырнул газету на пол. Прибытков явно не симпатизирует Горбачёву, отсюда и неприязненные детали, которые он с лихвой выискивает в его поведении. Многие стремятся объяснить появление Горбачёва во главе Советского государства, преувеличивают роль разных «счастливых случайностей» на пути на Новую площадь…

Вот и авторы, и мемуаристы, пишущие о Горбачёве, не забывают о том, что месяцем раньше, вечером 19 сентября 1978 года, на железнодорожной станции Минеральные Воды на Северном Кавказе остановился спецпоезд. В нем из Москвы в столицу Азербайджана Баку следовал Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев. Его сопровождал Черненко. На перроне курортного городка их встречали председатель КГБ Ю. В. Андропов (он в это время лечился в Кисловодске) и партийный хозяин Ставрополья, а курорты Минеральных Вод ему административно подчинялись, М. С. Горбачёв. Оба, что любопытно, уроженцы здешних мест, земляки. Регулярно приезжая в кисловодский санаторий «Красные камни», Андропов предпочитал лечиться в нем. По долгу службы, дружбы и на правах хозяина Горбачёв обхаживал высокого гостя, явно отличая Андропова от других кремлевских «небожителей». Андропов не пил и не охотился и, даже лечась, продолжал поддерживать круглосуточную связь с Москвой.

По протоколу и в силу субординации ни Андропов, ни тем более Горбачёв не могли манкировать этой встречей. Вопрос об остановке решен в последнюю минуту перед отъездом из Москвы. Организовал встречу Андропов, выигрывал от нее Горбачёв. За время этой краткой остановки решалась его судьба.

Встреча оказалась исторической: на перроне маленькой кавказской железнодорожной станции сошлись 4 человека,

которым суждено в дальнейшем сменять друг друга в качестве руководителей государства…

Итак, 27 ноября 1978 года Горбачёв стал секретарем ЦК КПСС. Этот пост в партийной иерархии предполагал возвращение в Москву, о ней в эти годы мечтали практически все энергичные и амбициозные люди. Москва из провинции виделась средоточием культуры и науки, выделялась налаженным бытовым уровнем (в том числе и продовольственным снабжением).

Горбачёв возвращался в Москву уже другим человеком. Вряд ли он заехал на Стромынку, да теперь там уже и не жили университетские студенты. Горбачёвы обустраивались в выделенной ему в 1978 году в Москве квартире на улице Щусева. Горбачёвым на двоих предоставили шестикомнатную квартиру. Дочь Ирина с мужем въехали по соседству в трешку. Правда, Раиса Максимовна места близ Стромынки посетила, отметила, что ЗАГСа, где регистрировали их брак, уже нет…

Москва уже была совсем другой, не такой, как в первые годы после смерти Сталина. Да и студенты уже были другие. Наряду с ночными очередями за билетами на Таганку или в «Современник», на фестивальные фильмы (это, правда, летом, но многие и не уезжали на каникулы, устраиваясь на разные подработки) они просиживали в аудиториях, уже цинично помалкивая, слушая лекторов по научному коммунизму. Те щедро пересыпали рассказ цитатами из «Ленинского курса» Брежнева. Косноязычие самого «автора» было главной темой анекдотов. Но студенты любыми способами старались остаться в Москве, для этого нужно было жениться или выйти замуж за москвича, зацепиться хоть каким бы то ни было корешком за московскую почву.

Признаки не просто застоя, а разложения государства, выстроенного сталинской командой, были очевидны уже в 70-х годах. Экономика из последних сил старалась казаться эффективной. Ее еще хватало и на безопасность, и на образование, и на медицину, и на бесплатное жилье, и на дешевый транспорт, и на социалку, и на поддержку зарубежных и заморских «друзей». Но из провинции перекосы были заметней… Например, сращение партийной номенклатуры с торговой мафией и криминалитетом, коррупция, взяточничество, воровство. Были серьезные дефекты в распределении продукции.

Стоит познакомить читателя с партийной верхушкой, с ней Горбачёву придется ежедневно взаимодействовать через многочисленные отделы и сектора аппарата ЦК КПСС. С ними же придется делить коллективную ответственность за состояние страны и ее будущее, ибо решения в Политбюро принимались при

единогласном одобрении и поддержке. Это усложнит его процесс принятия решений, частые колебания, проблемы с кадрами, когда тех, кто не умер от старости, придется выводить из Политбюро.

Если личность Андропова читателю хорошо знакома, то фамилии других членов Политбюро и секретарей ЦК читателю позабылись, а то и вовсе малоизвестны, хотя их портреты носили на праздничных демонстрациях и развешивали во многих присутственных местах. Отметим главное, что их объединяло: это – преклонный возраст. Например, Н. А. Тихонов, один из самых пожилых председателей Совета Министров СССР, не был способен к самостоятельной деятельности государственного масштаба. В отличие от А. Н. Косыгина он не имел собственной экономической программы. Его считали безупречно честным, как вспоминал бывший управляющий делами Совета Министров СССР Михаил Смиртюков: «Как получил трехкомнатную квартиру, когда был зампредом, так и жил в ней с женой до самой смерти. Детей у них не было, и жили они очень скромно. Ему, как бывшему премьеру, оставили дачу, охрану, назначили персональную пенсию. Никаких сбережений у Тихонова не оказалось. Когда он работал в правительстве, все свои деньги они с женой тратили на покупку автобусов, которые дарили пионерлагерям и школам. После ликвидации СССР персональную пенсию отменили, и Николай Александрович получал обычную пенсию по старости. И ребята из охраны скидывались, чтобы купить ему фрукты». За пять лет его премьерства ушла из жизни значительная часть Политбюро и сменились четыре генсека; сохранив свой пост при Андропове и Черненко, 80-летний Тихонов покинет важнейший в государстве пост через несколько месяцев после прихода к власти Горбачёва «по состоянию здоровья» (атеросклероз мозговых сосудов).

О том, какие взаимоотношения сложились среди этих пожилых и нездоровых людей, видно из того, как, например, относилось к Тихонову (формально – главе правительства) влиятельное трио Политбюро – Устинов, Андропов, Громыко. Когда советские войска вошли в Афганистан, Устинов не счел нужным сообщить об этом Тихонову.

Но особенно неприязненные отношения в 1970-х годах сложились у Тихонова с А. П. Кириленко, курировавшим как секретарь ЦК промышленность. Кириленко считался одной из важнейших фигур в партии и возможным преемником Л. И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Во время отсутствия М. А. Суслова Кириленко председательствовал на заседаниях Секретариата ЦК КПСС.

И. В. Капитонов выделялся таким славословием Леониду

Ильичу, что даже последнего раздражало, окончил Московский институт инженеров коммунального строительства. Работал старшим инженером Рязанского областного жилищного управления. Побывал на роли первого секретаря Ивановского областного комитета КПСС. Он как секретарь ЦК заведовал Отделом организационно-партийной работы и был председателем Центральной ревизионной комиссии КПСС (уже при Горбачёве).

М. С. Соломенцев, председатель Совета Министров РСФСР, в молодости по комсомольскому набору зачислен в Ленинградское военно-морское училище на штурманское отделение подводного плавания, но заболел.

Леонид Ильич умел быть снисходительным к личным слабостям своего окружения. Им многое сходило с рук. Брежнев не спешил наказывать провинившихся. Он сделал руководителем Казахстана своего друга Д. А. Кунаева. Тот сразу избавился от второго секретаря Соломенцева: позвонил Брежневу и рассказал, что тот «потерял авторитет перед общественностью и продолжать работать с подмоченной репутацией не может».

Речь шла о романе Соломенцева с некой дамой, врачом в совминовской поликлинике. Они обычно встречались в гостинице, но однажды муж-милиционер поколотил партработника.

Леонид Ильич убрал из Казахстана Соломенцева, примирительно заметив Кунаеву: «Если он неудачно поухаживал за одной женщиной, от этого социализм не пострадает. Мы его переведем на работу в другую область».

Брежнев отправил Соломенцева первым секретарем в Ростовскую область. Через два года, в декабре 1966 года, Брежнев сделал Соломенцева секретарем ЦК и заведующим отделом тяжелой промышленности. Одновременно он возглавил Комиссию законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР. При Андропове Соломенцев возглавил Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и стал членом Политбюро. Он сохранял влияние и в начале периода руководства Горбачёва. Соломенцев был одним из основных сторонников антиалкогольной кампании середины 1980-х.

К. У. Черненко был не столь преклонных лет, но тяжело болен. В войну он учился в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б), окончил Кишинёвский педагогический институт, стал «профессиональным канцеляристом, а не политиком, среднего пошиба бюрократом», по оценке академика Г. Арбатова. Черненко считался близким соратником и выдвиженцем Брежнева, но после смерти последнего не нашел достаточной поддержки среди партийных

группировок, чтобы занять пост Генерального секретаря. Только после смерти Андропова Черненко избран Генеральным секретарем ЦК и Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

В глазах Горбачёва было важным и то, что советский человек был постоянно ограничен в выборе возможностей: он не мог свободно переселиться туда, где ему лучше, не мог поехать за границу когда захочет, не мог выбрать себе товары какие хочет. Все это приводило к напряженности, которая копилась в коллективной психике и требовала выхода. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, явилось назначение на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Черненко.

Кунаев писал: «Избрание Черненко… было нашей ошибкой. Мы знали, что он аккуратист, строго следит за прохождением документов, но на роль лидера явно не годился. Во время рассмотрения его кандидатуры ни один из членов Политбюро не выступил. Черненко стал генсеком при гробовом молчании членов ПБ… Все мы понимали, что по своему уровню культуры и знаний, государственной мудрости он не отвечал тем требованиям, которые были совершенно необходимы первому лицу государства. Но мы, хоть и молча, проголосовали за. Думаю, не только меня мучили угрызения совести. Но оправдания нашему всеобщему малодушию нет».

Все это так. Но самое главное заключалось в том, что это был уже смертельно больной человек. Попытка спасти тоталитарную систему не состоялась. Горбачёву пришлось присутствовать при том, как, став генсеком, 73-летний тяжелобольной Черненко в 1984 году восстановил в КПСС исключенного из нее при Хрущёве В. М. Молотова, сам вручил ему партбилет. Это действие вместе с Михаилом Сергеевичем с изумлением наблюдала вся страна по телевидению. Черненко пригласил вернуться в СССР дочь И. Сталина Светлану Аллилуеву, пытался возвратить внимание экономистов к научно-практической значимости экономических дискуссий конца 1940-х – начала 1950-х годов и печально известной работе Сталина – впервые после 30-летнего забвения той книги.

Маразм руководства достиг своего апогея при Черненко, который не обладал элементарными качествами политического деятеля и к тому же стал генсеком, будучи безнадежно больным.

С помощью жесткой дисциплины, искусственных пропагандистских приемов, которые, впрочем, не воспринимались в народе и давали лишь внешний пропагандистский эффект, государственный корабль кое-как поддерживался на плаву, но динамизм и скорость утратил.

Страна шла навстречу большой беде.

На самый верх, как правило, поднимались руководители более толстокожие, особенно не переживавшие за моральные аспекты своих действий, те, у кого совесть запрятана глубоко. Ибо качества руководителя оценивались главным образом с точки зрения способности достигать поставленной цели.

К появлению Горбачёва на Новой площади партийно-советское руководство своим внешним видом свидетельствовало всему миру немощь и корыстолюбие лидеров.

«Конечно, мне нелегко, – говорил Черненко…бледный с синими губами, задыхающийся… – Но товарищи настояли на моем избрании, и мне отказаться было невозможно». Опять те же стереотипные ссылки на «товарищей», которые я, – вспоминал Е. Чазов, – уже слышал и от Брежнева, и от Андропова. Ссылки, которыми прикрывалась жажда власти и политические амбиции».

«Это было очень своеобразное время, – вспоминал академик Г. Арбатов. – Брежнев и его сподвижники утвердили власть узкой группы, в которой, несмотря на старость и болезнь, все же безоговорочно главенствовал сам Генеральный секретарь. Все в этой группе, пока хоть как-то держались на ногах, были практически несменяемыми. Физиология стала важнейшим фактором политики. А иногда все зависело просто от того, кто кого переживет». Одряхлевшее руководство Советского Союза больше беспокоилось о своем здоровье и благосостоянии близких, нежели о «службе Отечеству». Оно патологически боялось каких-либо изменений и новшеств, продолжая упорно обманывать народ, покупать его доверчивость дешевой колбасой и водкой, выдвигать «руководителей» лишь из рядов КПСС.

Горбачёв с хрестоматийной биографией коммунистического управленца – типичный продукт советской эпохи. Но он явно выделялся своим румянцем, южным загаром, своим здоровьем (за этим внимательно следила Раиса Максимовна) на фоне престарелого ареопага, не способного управлять страной.

Утром перед работой – сеанс массажа. В полдень ему подавали чай или сок. Обедал он только дома. Пищу ему готовил специально подобранный повар. После обеда полтора часа отводилось отдыху и дневному сну.

Жена активно следила за распорядком дня и делами супруга и в Москве, тем более что престарелый ареопаг появлялся на Новой площади не каждый рабочий день, проводя время в кремлевских санаториях и больницах.

Раиса Максимовна держала Горбачёва, любившего вкусно и много поесть, на строгой диете, превратив его из пухлощекого, с явно обозначенными вторым подбородком и лысиной, к моменту

перевода в Москву в существенно постройневшего и со вкусом одетого человека средних лет.

Колеса государственной машины еще тяжело кряхтели, «ворочаясь».

Горбачёв моментально заметил перемену в поведении работников партийного аппарата – помощников, консультантов и референтов – во время его визитов к секретарям ЦК. Аппарат был вышколен, дисциплинирован, но теперь вместо человеческих отношений в силу вступала «табель о рангах». Чинопочитание в КПСС было утвердившейся нормой. А ведь многих он «хорошо знал, во время наездов в Москву десятки раз разговаривали, шутили. Отношения, как мне казалось, были вполне нормальными. И вдруг… В каждой приемной встретил как будто других людей. Возникла некая “дистанция”».

Горбачёв начал осваивать круг проблем с того, что попросил заведующего сельскохозяйственным отделом В. А. Карлова собрать всех, с кем предстояло работать. «И тут то же самое… Вчера они давали мне рекомендации и указания, вмешивались в ставропольские дела. И каждый при этом многозначительно изрекал: «Есть мнение…» Чье – не говорят. И все-таки отношения были у нас нормальные. А теперь, когда собрал их, смотрят настороженно, как на «начальство», и тревога в глазах – «новая метла». Надо было вносить ясность, снимать беспокойство, и поэтому сразу же сказал:

– Устраивать чехарду с кадрами не намерен, будем работать, как работали.

Все успокоились, и началась деловая беседа».

«Решил пойти по секретарям ЦК с визитом вежливости – поговорить, установить контакты, как-никак, а работать вместе. Побывал у Долгих, Капитонова, Зимянина, Рябова, Русакова. Когда зашел к Пономарёву (академику, курировавшему Институт марксизма-ленинизма, автору более 100 научных и публицистических работ, а главное – известного учебника «История Коммунистической партии Советского Союза». – *Т. К.*), то услышал советы по вопросам сельского хозяйства. Это, кстати, продолжалось и потом, вплоть до его ухода на пенсию. Борис Николаевич принадлежал к числу «аграрников-любителей»: проезжая на машине со своей дачи в Успенском, отмечал все, что попадалось на пути…

– Вчера видел у дороги поле. Хлеб созрел. Надо косить, но ничего не делается. Что же это такое?

Или:

– Вчера гулял недалеко от дачи, набрел на овраги – трава по пояс… Почему не косят? Куда смотрят?

Так вот и было: эксперт по международным делам, особо не смущаясь, выдавал «экспертные» рекомендации и по сельскому хозяйству».

А. С. Черняев, помощник М. С. Горбачёва в 1986–1991 годы, до этого консультант, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС: Горбачёва «в аппарате… скоро заметили. Определенным индикатором его растущей активности было ворчанье Б. Н. Пономарёва, который после заседаний Секретариата или Политбюро, бывало (конечно, “среди своих” и полушепотом), негодовал: мол, молодой да ранний, лезет не в свои дела, занимался бы своим сельским хозяйством, что он понимает в политике и т. п.»

Горбачёв работал много. По словам секретаря крайкома по идеологии А. Коробейникова, еще на Ставрополье Михаил Сергеевич говорил ему, подчеркивая свое трудолюбие: «Не только головой, а и задницей можно сделать что-либо путное».

Его железную выносливость отмечали и коллеги по Политбюро и Верховному Совету. Помощник Горбачёва В. Болдин отмечал: в те годы Горбачёв рос быстро. Главным в жизни с 9 до 21 часа была работа, стремление подняться выше, получить признание. Он долго засиживался на работе – читал множество записок и справок, различные документы, держал в голове десятки различных статистических данных. Неплохо оперировал всем, что услышал от ученых, специалистов.

Однако первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, претендовавший на роль Генерального секретаря, подчеркивал: на заседаниях Горбачёв, как правило, отмалчивался, поддакивал, со всеми предложениями соглашался. Гришин никогда не слышал из его уст каких-либо новаторских предложений.

Если Горбачёв и выступал на Политбюро по вопросам сельского хозяйства, то выступления были, как правило, серенькие, поверхностные, не содержащие каких-либо предложений по кардинальному улучшению работы на том участке, за который он отвечал. Складывалось впечатление, что он ни с кем не хотел портить отношения. Ну, это оценки конкурента. Секретарь же ЦК В. Фалин (избранный уже при Горбачёве), наблюдая в конце 70-х – начале 80-х годов появление М. С. Горбачёва на заседаниях Политбюро и Секретариата, отмечает: перестарков в руководстве страны подпирает свежая генерация, соскучившаяся по настоящему делу. Горбачёв навлекал на себя косые взгляды коллег, когда неловко нарушал идиллию.

Он приводит конкретный пример. В 1982 году Секретариат обсуждал вопрос о состоянии энергетики. «Два министра –

Братченко и Непорожний – вешали на уши лапшу. Ведущий заседание Черненко предложил указать министрам-коммунистам на необходимость «большего внимания», «повышения требовательности» и прочее. Слова попросил Горбачёв.

– Я не согласен. Секретариат рассматривает данный вопрос в третий раз. Никаких перемен к лучшему первые два обсуждения не принесли. Пора не уговаривать, а спрашивать с министров.

К. У. Черненко и остальные секретари приуныли. Все удачно складывалось, и надо же.

– Что ты, Михаил Сергеевич, предлагаешь?

– Я за то, чтобы строго следили за выполнением принимаемых решений, коль беремся за какой-то вопрос. Кто их нарушает, должен отвечать в партийном порядке.

– Может, условимся так: последний раз предупредим коммунистов Братченко и Непорожнего. Не поможет накажем по всей строгости.

Никто не возразил. Горбачёв к штурму неба не был готов, но флаг показал».

А. С. Черняев в дневнике заметил: когда после смерти Суслова и отставки Кириленко Горбачёв стал вести иногда заседания Секретариата, «те, кто по очереди из нас, замов, там бывали, возвращались в восторге: наконец-то появился умный и честный человек, озабоченный состоянием страны и готовый что-то делать. Особенно нравилось, как он “вызывал на ковер” министров, разоблачал их некомпетентность, близорукость, а то и обман, который стал обычной и простительной практикой. Но замечали и другое: оргвыводов даже в отношении явных бездельников и паразитов не следовало. Это, наверное, было бы превышением “компетенции”, Политбюро не поддержало бы. Принцип “стабильности”… свято сохранялся. Ибо это была основа самосохранения режима и власти “верха”. Нахлобучки, иногда оскорбительные, сносили, даже, бывало, ерничали над собой, а вот чтоб прогнать – совсем другое дело!»

Но важнейшим остается вопрос о том, на каком повороте своей карьеры Горбачёв проникся реформаторским духом?

Многие корни «нового мышления» искали в дружбе Горбачёва с будущим идеологом перестройки Александром Яковлевым. Дружба началась еще в начале 80-х, когда Яковлев был советским послом в Канаде. Другие авторы выявляют интерес к преобразованиям значительно раньше, в годы учебы в МГУ, где его другом и однокурсником был идеолог Пражской весны Зденек Млынарж. Ира (его дочь) в одном интервью медленно, осторожно подбирая слова, говорит: «Если я сейчас скажу, что все мы также приходили домой и все-все друг другу рассказывали, значит,

опять пойдут разговоры, что решения Политбюро принимались в семье Раисой Максимовной, или еще, не дай бог, приплетут меня… Но это же анекдот! Те решения, которые были политическими, в семье не обсуждались. Обсуждались эмоции, реакции, ощущения, переживания. Вот на уровне: устал – не устал, это мучает, то беспокоит… Человеку всегда ведь нужно с кем-то поговорить, нужен собеседник» – это к разговорам в очередях, что Горбачёва «сбила с толку Райка».

Но не станем преуменьшать колоссальную роль его жены, ее философский склад ума в подходе к оценке получаемой М. Горбачёвым информации. Александр Островский (историк, автор книги «Кто поставил Горбачева?») настаивает на учете того обстоятельства, что перестройка была задумана уже Андроповым. Как сообщил ему Н. И. Рыжков, когда в ноябре 1982 года Андропов создал Экономический отдел ЦК КПСС, который Рыжков как раз и возглавил, перед ним была поставлена задача подготовить переход к многоукладной рыночной экономике. В связи с этим Андроповым была создана специальная группа для подготовки экономической реформы, в которую входил и Горбачёв. Официального статуса данная группа не имела, но фактически ее возглавлял Горбачёв, являвшийся членом Политбюро и по этой причине занимавший в партийной иерархии более высокое положение, чем секретарь ЦК КПСС Рыжков. К весне 1985 года концепция экономической реформы была подготовлена. Она предполагала сохранение у государства только 50 % собственности. Остальное должен был составить частный сектор.

Уже в 1986 году Горбачёв выступал за отказ от планирования и предоставление предприятиям полной свободы. Эти факты подтверждает и Н. И. Рыжков: «Я обратил внимание на его острое и целенаправленное желание как можно больше расширить круг своих интересов. Выходя за рамки проблем сельского хозяйства, он вторгался в область общей экономики и даже получал щелчки от старых членов Политбюро. Там не любили, когда кто-то проявлял излишнюю инициативу, выходил за пределы своей, ограниченной должностью, компетенции. Видно, эту тягу Горбачёва к экономическим проблемам и заметил Андропов. И тогда он взял дело в свои руки, сам подтолкнул его к этому. Юрий Владимирович старой школы был руководитель. А понятие «старая школа» чаще всего несет в себе начало хорошее, добротное, прочное, как и в этом случае: он просто подстегивал в подчиненных стремление знать больше, видеть больше, больше понимать. И активнее применять это в работе. Что касается Горбачёва, то, полагаю, Андропов уже тогда исподволь готовил

смену Черненко, который проблем народного хозяйства не знал вообще».

А. Коробейников, помощник Горбачёва в Ставрополе:

– Кто бы и как бы ни критиковал Горбачёва за его недостаточную научную «оснащенность», все-таки у него была тяга к самостоятельности творчества… У меня, как и у Болдина, сложилось впечатление, что Горбачёву можно подсунуть любую, самую революционную идею. Он поначалу, конечно, отринет ее или в лучшем случае промолчит. Вы уже забудете об этом думать и однажды вдруг обнаружите свою идею в его речах или статьях. И никакого в его понимании греха в этом не было. Болдин пишет: «Умение присваивать чужие идеи развито у Горбачёва до вершин совершенства. Но это никого не обижало, так как все отлично понимали, что у людей его уровня так, наверное, и должно быть».

Но в стране положение становилось все хуже и хуже, и сегодня уже вопрос о том, кто задумал перестройку, отходит, при всей своей важности, на второй план. Ни один пятилетний план не выполнен, в том числе 8-я пятилетка (1966–1970 годы), которая традиционно считается успешной. Двойная мораль, противоречие между словом и делом стали привычными. Впечатление, что «гребцы бросили весла» в административно-командной системе, и делали призывы и решения мобилизовать ресурсы и людей неэффективными. Большинство из них излагалось в анекдотах, горожане (работники НИИ, заводов и фабрик, студенты и школьники) пропадали на колхозных полях и овощных базах. И там, и там пропадал с большими затратами выращенный урожай, что делало этот труд бессмысленным с экономической да и нравственной стороны дела. На кухнях проблему объясняли параличом воли. На самом деле объяснить это явление можно тем, что кризис переживала сама модель государственно-монополистического социализма.

Тэтчер удивлялась наивности Михаила Горбачёва. 1984 г.

В 60 – 80-е годы отрицательную роль для страны сыграл скачок цен на нефть на мировом рынке. В 1973 году принято решение о закупке новых технологий за рубежом. Только за 70-е годы СССР заработал 170 млрд нефтедолларов. В связи с огромными внешнеторговыми операциями, проводимыми неквалифицированными чиновниками, возросла коррупция в среде руководящих кадров. Растрачивая во все возрастающем масштабе народное достояние, чиновники доказывали тем самым необходимость их учреждений и свою собственную незаменимость. При этом они готовы были заключить какие угодно контракты. Партнеры по переговорам быстро уясняли, что можно бесконечно отсрочивать выплаты. Общая сумма долгов иностранных государств составила 86 млрд долларов. Практически полностью были исчерпаны трудовые резервы. Приток рабочих из сельского хозяйства прекратился. Женский труд себя исчерпал. Из-за снижения рождаемости уменьшился приток молодежи, приходящей в общественное производство (с 12 млн человек в 1971–1975 годах до 3 млн в 1981–1985 годах). Стоимость незанятых рабочих мест в промышленности и сельском хозяйстве достигла критического уровня. На строящихся заводах

и фабриках уже физически некому было работать. Обострилось противоречие между колоссальными масштабами промышленного потенциала СССР (за 1960–1985 годы стоимость основных фондов увеличилась в 8 раз) и экстенсивными методами его развития. На каждый процент прироста продукции приходилось затрачивать все больше и больше средств. Таким образом, советская экономика оставалась на экстенсивном пути развития: расширенное воспроизводство с упором на традиционные индустриальные отрасли и жесткое административное давление на предприятия сверху. Попытки внедрить наукоемкие отрасли производства (микроэлектроника, информатика, робототехника, биотехнология), создать научно-производственные объединения не приносили результата и встречали сопротивление рабочих и служащих. Основу промышленности составляли топливно-энергетический, металлургический и военно-промышленный комплексы. О том, что это конец системы, свидетельствовала череда страшных катастроф, настигших страну. Катастроф, к которым страна шла с роковой неизбежностью.

Исключительно насыщенной была и международная деятельность. В апреле 1986 года Горбачёв возглавлял делегацию КПСС на XI съезде СЕПГ, в июне – на X съезде ПОРП, в июле принимал участие в заседании Политического консультативного комитета стран Варшавского Договора в Будапеште. Кардинальные проблемы развития и обновления сотрудничества между соцстранами были обсуждены на состоявшейся в Москве 10–11 ноября встрече руководителей партий соцстран – членов СЭВ. В октябре состоялась советско-американская встреча на высшем уровне в Рейкьявике, которая положила начало широкому и плодотворному диалогу между двумя странами, приведшему к заключению в последующем важнейших соглашений.

В ноябре Горбачёв нанес визит в Индию, положивший начало новой полосе отношений с этой крупнейшей азиатской страной.

Все это в немалой степени способствовало популяризации идей перестройки, укреплению политических позиций нового советского руководства внутри страны и за рубежом.

«На практическую ногу встал вопрос о смене сути и характера общественного уклада»

11 марта 1985 года внеочередной Пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарем партии 54-летнего Михаила Сергеевича Горбачёва. В день избрания в Нью-Йорке вышла в свет первая биография М. С. Горбачёва.

После затянувшегося правления кремлевских старцев людям импонировал раскованный стиль поведения Горбачёва. Его публичные выступления превращались в телевизионные митинги, собирали у экранов миллионы людей. Во время разъездов по стране генсек охотно «выходил к народу» – окунуться в атмосферу приветственных возгласов, рукопожатий. Он побывал на Дальнем Востоке, на Кубани и родном Ставрополье, в Латвийской и Эстонской ССР, Мурманской области, Узбекистане.

Эру Горбачёва открыли три лозунга – Гласность, Перестройка, Ускорение. Первым конкретным мероприятием, осуществленным Горбачёвым в рамках лозунга «Ускорение», стало его своеобразно олицетворяемое постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Через два месяца после избрания Горбачёва – 7 мая 1985 года – лозунг должен был побудить советских людей двигаться к социализму в трезвом виде, а стало быть, быстрее. Он был парафразой одного из главных сталинских лозунгов 30-х годов: темпы решают все.

Антиалкогольная кампания – это модель перестройки. Генеральный секретарь, как политический и нравственный руководитель народа, заявил: он и партия приняли решение, взяв на себя ответственность за искоренение пьянства.

Горбачёв в феврале 1986 года созвал очередной, XXVII съезд КПСС. Он впервые выступал на нем как Генеральный секретарь с анализом пройденного пути, размышлениями о победах и неудачах, задачах на будущее. М. С. Горбачёв посвятил доклад 70-летию социалистической революции в духе политической конъюнктуры: «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Но пафос доклада не заслонял реальных проблем. Правда, генсек с уверенностью заключил: «Мы идем к новому миру – миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда».

XXVII съезд КПСС одобрил ориентиры советского курса на очередное пятилетие – 1986–1990 годы и на период до 2000 года. В новой редакции Программы партии сохранялись старые тезисы

об «основном содержании современной эпохи – переходе от капитализма к социализму и коммунизму», о «КПСС – руководящей силе советского общества» и др.

8 апреля 1986 года М. С. Горбачёв прилетел в Тольятти и впервые внятно произнес слово «перестройка». Слово подхватил партийный агитпроп на всех уровнях, и оно стало лозунгом начавшейся новой эпохи в СССР.

Горбачёв действовал по традиционной советской схеме: руководитель страны критикует действующий механизм – выдвигает рецепты его улучшения – принимает решение – и… ждет «восторга» по поводу эффективности.

Еще царило очарование молодым руководителем, хотя опытные «царедворцы» уже подозревали: генсек не знает, что нужно делать. В июне 1985 года у Горбачёва не было сомнений в том, что составляет главное направление перестройки. Год спустя, во время поездки по Сибири, он признал: ни в Госплане, ни в правительстве, ни в Политбюро готовых рецептов того, как обеспечить ускорение, нет. Год спустя выяснилось, что первые три года ушли «на разработку концепции перестройки». Ускорение – этот лозунг был связан с обещаниями резко поднять уровень развития промышленности и благосостояния народа за короткие сроки. На деле кампания привела к ускоренному выбыванию производственных мощностей, хотя и способствовала началу кооперативного движения.

Ф. Миттеран, М. С. Горбачёв, Р. М. Горбачёва, Д. Миттеран. Париж, 2 октября 1985 г.

Не имея ясного представления о том, как повысить эффективность советской модели, Горбачёв решил задействовать богатейший арсенал испытанных средств, которыми пользовались предшественники. Чтобы поднять энтузиазм трудящихся, Горбачёв вспомнил о стахановском движении, изобретенном в 1935 году. Для борьбы с низким качеством советской продукции испробован метод, применявшийся в военной промышленности: ужесточен контроль качества производимых товаров. Антиалкогольная кампания в СССР привела к закрытию винодельческих заводов. Оборудование заводов растаскивалось. Вырублено 300 тысяч гектаров виноградников. На 45 % повысились цены на алкогольные напитки, сокращено производство алкоголя, появились карточки на сахар. Спиртные напитки стали выдаваться по талонам. Огромные массы взрослого населения отправились стоять в очередях. Телевидение и агитаторы усиленно навязывали свадьбы с чаепитием. Общественный контроль представлял собою фарс и вызывал раздражение. На фоне этих остро заметных бытовых трудностей мимо внимания общества прошло увеличение продолжительности жизни населения, снижение уровня преступлений, совершенных на почве алкоголизма. Женщины чувствовали плюсы от сухого закона, при встрече с Горбачёвым так и кричали ему: «Не поддавайтесь на уговоры отменить сухой закон! Наши мужья хоть увидели своих детей трезвыми глазами!» На этот период пришелся и небывалый всплеск рождаемости.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв с супругой готовятся к отлету в Москву после завершения официального визита во Францию. 1985 г.

Писатель, публицист Ж. Б. Мин– дубаев писал: «Не появись у М. Горбачёва и “второго лица в партии” Е. Лигачёва мысли о том, что с пьянкой в России можно покончить административно-приказными методами, служил бы себе Геннадий Колбин в солнечной Грузии и не знал, не ведал никакого Ульяновска… Привез “первого” на родину Ильича сам Е. Лигачёв. “Актив” области с легкой внутренней дрожью ждал тронной речи. Геннадий Колбин встал, внимательно оглядел зал и выдал:

– Я не один год работал в краю сплошных виноградников – не спился. Надеюсь, выдержу и здесь…

Зал съежился, замер. Лигачёв отбыл, бурное отрезвление “пьющей” области началось… Рассказывали, что услужливый и всему городу известный “финхоз Б. Ф.” в первый вечер накрыл

для нового роскошный стол: коньячок, икра, балык… Само собой подразумевалось, в счет партийно-представительских расходов. Но изумлению не было предела, когда господин Колбин, выпив рюмочку и немного пожевав, полез за бумажником со словами:

– Для знакомства сойдет, но впредь прошу меня так не встречать… Зарплата у меня не царская, а за чужой счет не употребляю…

Удар был снайперский, это моментально разнеслось по области. И отныне, кроме стакана чая или кофе, “первому” ни в какой глубинке не предлагали…» Горбачёв и сам в 1995 году в книге «Жизнь и реформы» одну главу назвал «Антиалкогольная кампания: благородный замысел, плачевный итог». Но стрелки ответственности за провал он перевел на секретаря ЦК Егора Лигачёва и председателя Комитета партийного контроля Михаила Соломенцева. Якобы именно они «довели все до абсурда».

Ставилась задача в короткий срок существенно увеличить производство продовольствия, повысить душевое потребление. Импорт зерна увеличен с 27,8 млн т в 1980 году до 44,2 млн т в 1985 году. Но корабли с прибывающим зерном месяцами простаивали в портах, за что выплачивались огромные штрафы. Железная дорога не успевала перевозить такие объемы грузов, зерно портилось, и значительная часть его не использована даже на корм скоту. Это зерно перегоняли на спирт. Положение дел в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться.

Вскоре оказалось, что и строгая «государственная приемка» ведет к резкому сокращению производства. В 1989 году брак в машиностроении составил седьмую часть продукции.

15 мая 1986 года началась кампания борьбы с нетрудовыми доходами. На местах начали борьбу против репетиторов, продавцов цветов, шоферов, подвозивших пассажиров, и продавцов домашнего хлеба в Средней Азии. Кампанию свернули и забыли по причине последующих событий.

Демократизация и гласность создали совершенно новую идеологическую обстановку. Перестройка ослабила цензуру: положила конец «запретным» темам, касающимся как современной жизни, так и истории. Подлинным откровением для общественности стали книги, десятилетиями лежавшие в «спецхранах». Среди них «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Белые одежды» Владимира Дудинцева, «Зубр» Даниила Гранина, «Новое назначение» Александра Бека, «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина, книги авторов русского зарубежья.

Ошеломляющее впечатление произвел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Появились новые, яркие и острые

спектакли. Ученые получили доступ к ранее запретным произведениям Бухарина и Троцкого, экономистов Кондратьева и Чаянова, философов Соловьева и Бердяева, нетрадиционных историков. Началось переосмысление исторических событий, переоценка личностей публицистами, писателями и деятелями искусства. Процесс носил творческий характер, но не обходился без субъективных увлечений, односторонности, перехлестов, а порой одна полуправда подменялась другой.

В июле 1989 года Горбачёв говорил: «Мы не можем откладывать решение назревших кадровых вопросов… Нам надо пополнить кадровый корпус творческими силами». Гнетущее чувство вызывали престарелые руководители, обстановка славословия, щедрые раздачи орденов и самонаграждения. Геронтократия цепко держалась за свои кресла. Тихонов, Кириленко, Гришин – личности посредственные, выдающиеся лишь умением лавировать, поддерживать себе подобных и получать у них поддержку. Суслов, Устинов, Громыко – «мастера» «стабильности руководства» – выстраивали барьеры от вмешательства в подчиненные им «вотчины». Всесильные республиканские и областные партийные бонзы черпали силу из близости и верноподданического служения генсеку. Имевшая давние исторические корни психология почитания вождей не была искоренена в результате критики культа личности Сталина. Да, пожалуй, подобная цель и не преследовалась.

Руководители формально избирались на конференциях и пленумах партийных комитетов, но были полностью ограждены от контроля снизу. Процедура выборов практически гарантировала избрание при одном лишь условии – было бы одобрение сверху. Лишь в самых крайних случаях система давала какие-то осечки.

Но в общество проникали сведения о моральном разложении, нарушениях законности, безнаказанности. Дня не проходило без злого анекдота, который рассказывался уже без утайки, без боязни «сталинского воронка» по вечерам.

Михаил Горбачёв и Рональд Рейган. Рейкьявик, 12 октября 1986 г.

От М. С. Горбачёва потребовались особые качества решать кадровую проблему. Председатель Совета Министров РСФСР с 1983 года В. И. Воротников выделял манеру Горбачёва «вести “доверительный разговор”. Создается полная иллюзия откровенности, настоящего товарищества, стремления посоветоваться, узнать мнение собеседника. Я очень долго находился в плену такого «товарищества». Верил в искренность отношения ко мне и отвечал взаимностью. Восхищался его способностью приблизить к себе, покорить своим обаянием. Лишь много позже, приблизительно с середины 1987 года, а особенно в 1988 году, понял, что это была лишь имитация, видимость товарищества, дружбы. Он действительно нуждался в совете, мнении собеседника, но лишь настолько, насколько это позволяло “привязать” партнера к своей идее, своей позиции. Причем манера формулировать свою позицию, выражать свои взгляды да и просто информировать о чем-то была весьма своеобразной. Он говорил, не завершая мысль, как-то обрывочно, намеками и полунамеками, с подтекстом (мол, тебе и так все ясно)… Всегдашняя готовность к маневру, к балансированию, к выбору решения в зависимости от ситуации… Увы, это была не политическая тактика, не маневрирование, оправданное и необходимое ради достижения определенной цели. Это была

черта характера. Горбачёв менял не тактику, а стратегию, менял убеждения, соратников, товарищей. И – ради личных, корыстных интересов. Итог деятельности М. С. Горбачёва плачевен. И для него тоже – его покинули прежние сторонники».

Пресс-конференция Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва в рамках советско-американских переговоров на высшем уровне в Рейкьявике. 1986 г.

Горбачёв хотел удалить возможных соперников в Политбюро, Г. В. Романова и В. В. Гришина в первую очередь. В новых людях хозяин Кремля видел надежных помощников. В руководство вошел А. Н. Яковлев, опальный чиновник ЦК, отправленный послом в Канаду. Горбачёв вернул его в ЦК. В Политбюро введены Е. К. Лигачёв, Н. И. Рыжков, В. М. Чебриков, из Свердловска вызван Б. Н. Ельцин. Изменился состав Политбюро, пополненный Н. Н. Слюньковым, А. Н. Яковлевым и В. П. Никоновым. Кандидатом в члены Политбюро избрали Д. Т. Язова, сменившего на посту министра обороны СССР Е. Е. Соколова.

Толчком для замены Соколова послужил казус с полетом и приземлением на Красной площади Руста. На обратном пути в самолете, обсуждая это событие с Михаилом Сергеевичем, Э. А. Шеварднадзе, не сговариваясь, советовал ему принять самые жесткие меры в отношении руководства Министерства обороны. Как выяснилось, такой же позиции придерживалось и все Политбюро.

Рухнула Берлинская стена.

Постоянно шли чистки. К февралю 1989 года переизбраны 89 тысяч партийных секретарей на среднем и нижнем уровнях. Особенно трудно шла замена первых секретарей союзных республик и руководителей компартий социалистических стран. Последний шаг был ступенью в овладении властью над всем социалистическим лагерем.

Надежды общества на то, что сменивший престарелых и едва передвигавшихся старцев молодой Горбачёв поправит дело, таяли. Имидж генсека начал падать. При встречах население выказывало недовольство отсутствием конкретного курса на перестройку всего общества, сдерживанием инициативы самих народных масс. «В сущности, перестройка в изначальном ее понимании завершилась, – отмечал Яковлев в своей книге «Горькая чаша…», – она не могла не завершиться, ибо уже в 1987–1988 годах на практическую ногу встал вопрос о смене сути и характера общественного уклада». Но Яковлев и сам еще убежден, что перестройка – это «возвращение к ленинизму». Надо было либо откровенно лукавить, либо искренне заблуждаться. Годы спустя Михаил Сергеевич не постеснялся признаться: «Мы все разделяли иллюзии…» Позднее, уже разойдясь со своим духовником первых перестроечных лет, Горбачёв в сердцах обзовет его «заведующим Агитпропом всех эпох – от Брежнева до Ельцина».

Главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич вспоминал «об очень важном своем контакте с Горбачёвым, настолько все в нем было характерно. В феврале 1988 года мы с

Евгением Евтушенко поехали выступить в Ленинград. Вечер проходил в огромном дворце «Юбилейный» – несколько тысяч слушателей, много друзей-писателей за кулисами. Короче говоря, зал был «наш», и зал этот очень чутко реагировал на все сказанное.

Рано утром на следующий день я возвратился поездом «Красная стрела» в Москву. Заехал домой, переоделся и в десять утра был уже в «Огоньке». А в одиннадцать позвонил Горбачёв: «Ты что делаешь?..» Он был со всеми на ты, а с ним полагалось общаться на вы.

…В паузах громовой речи, с упоминанием моей мамы и других ближайших родственников, Горбачёв указывал на толстую стопку бумаги, лежавшую перед ним, и орал: «Вот все, что ты нес прошлым вечером в Ленинграде! Вот как ты оскорблял достойных людей! Я что, сам не знаю, с кем мне работать? Кто лидер перестройки, я или ты?!» «Вы, – категорически уверил я Горбачёва. – Конечно же, вы, и никто другой!» «То-то», – сказал генсек, внезапно успокаиваясь, и дал мне бутерброд с колбасой».

Отметим возросшую психологическую нагрузку на Михаила Сергеевича, его традицию опираться на верное плечо своей жены, Раисы Максимовны, ее знакомство с научным объяснением общественных процессов. В это время любому лектору, даже если он выступал по теме, далекой от политики, задавали вопросы о Раисе Максимовне и ее роли в руководстве партией и государством. В архивных отчетах руководителей пропагандистских групп по разъяснению цели и задач перестройки приводятся наиболее характерные вопросы, которые задавали слушатели. Из них видно, что чаще других задавались вопросы, связанные с Раисой Максимовной Горбачёвой.

В декабре 1987 года Горбачёв дал интервью американскому журналисту, корреспонденту Эн-би-си Тому Брокау.

– Обсуждаете ли вы вечером дома с женой вопросы внутренней политики, политические трудности и прочие проблемы страны? – спросил Брокау.

– Мы все обсуждаем, – последовал ответ генсека.

Корреспондент уточнил:

– Включая проблемы, решаемые на самом высоком уровне?

– Да, мы обсуждаем все, – сказал Михаил Сергеевич.

Психологическое напряжение выдавал и низкий уровень внутренней культуры, пишет заведующий отделом пропаганды и агитации Ставропольского крайкома КПСС А. Коробейников в бытность Горбачёва первым секретарем крайкома, когда лидер, понимая, что наступает «пробуксовка» мысли, все чаще в ход идут такие «аргументы», как грубость и даже нецензурщина. Кое-кого

из партийных руководителей Горбачёв осуждает за то, что они позволяли себе материться. Не знаю, матерился ли Михаил Сергеевич при иных обстоятельствах, но в кругу своих коллег он делал это довольно часто и, прямо скажем, искусно. Поскольку аргументы найти труднее, чем «живое народное слово», то образных выражений от него наслышались…

В. Печенев вспоминал «памятную ночь, в которую три группы, созданные поздним воскресным вечером 10 марта 1985 года, писали к утреннему заседанию Политбюро… доклад. Писали, если не ошибаюсь, четыре человека: А. Лукьянов (он подарил, кстати, мне текст этого доклада через несколько дней с автографом), В. Медведев, В. Загладин и А. Александров-Агентов.

Все мы уже знали, кто будет выступать с этим докладом: М. Горбачёв. Кстати, когда мы с А. Вольским получали свое задание от М. Горбачёва… Аркадий Иванович, заглядывая в печальные глаза Горбачёва, доверительно спросил его: «Михаил Сергеевич, а доклад на Пленуме вы будете делать?» “Аркадий, не вые…я! – к моему удивлению, “дипломатично” ответил Горбачёв. – …Делай свое дело”. И мы с Вольским удалились».

Сам Михаил Сергеевич в интервью «Московскому комсомольцу» в 1997 году признавал: «Как южанин, и разгорячиться, и даже выругаться могу. Я ведь выходец из крестьянской семьи».

Перестройка становилась стихийной, неосознанной. Министры не знали, что от них хочет архитектор перестройки. В ее основе оставался пресловутый «вал».

Усугублял общественные настроения и национальный вопрос. Годами копившиеся проблемы власти старались не замечать. Но они проявились в резких формах сразу, как только повеяло свободой. Первые открытые массовые выступления прошли в знак несогласия с сокращавшимся из года в год числом национальных школ и стремлением расширить сферу применения русского языка. В начале 1986 года под лозунгами «Якутия – для якутов», «Долой русских!» состоялись студенческие демонстрации в Якутске. Попытки Горбачёва ограничить влияние национальных элит вызвали еще более активные протесты в ряде республик. В декабре 1986 года многотысячные демонстрации против назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана вместо Д. А. Кунаева русского Г. В. Колбина перешли в Алма-Ате в беспорядки. Расследование злоупотреблений властью в Узбекистане вызвало массовое недовольство в этой республике. Еще более активно, чем в прежние годы, зазвучали требования о воссоздании автономии крымских татар, немцев Поволжья.

Наиболее острые межнациональные конфликты в Закавказье

вели к кровавым расправам, изгнаниям этнических меньшинств.

Народные депутаты СССР – член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Яковлев (справа) и главный редактор газеты «Московские новости» Е. Яковлев (слева).

Межнациональные конфликты вели к формированию массовых национальных движений. В 1987 году в Нагорном Карабахе (Азербайджанская ССР) массовые волнения армян, составляющих большинство населения этой автономной области, потребовали передать Карабах в состав Армянской ССР. Обещание союзных властей «рассмотреть» вопрос воспринято как согласие удовлетворить эти требования. Все это привело к расправам азербайджанцев над армянами в Сумгаите (АзССР). Партийный аппарат обеих республик не только не препятствовал межнациональному конфликту, но сам активно участвовал в создании национальных движений. Горбачёв отдал приказ ввести в Сумгаит войска и объявить там комендантский час.

На фоне карабахского конфликта и бессилия союзных

властей в мае 1988 года созданы народные фронты в Латвии, Литве, Эстонии. Если вначале они выступали «в поддержку перестройки», то уже через несколько месяцев объявили своей конечной целью выход из состава СССР. Наиболее массовым и радикальным стал «Саюдис» (Литва). Вскоре под давлением народных фронтов Верховные Советы прибалтийских республик приняли решение о провозглашении национальных языков государственными. Требование ввести родной язык в государственные и учебные заведения звучало на Украине, в Белоруссии, Молдавии. В республиках Закавказья обострились межнациональные отношения не только между республиками, но и внутри них (между грузинами и абхазами, грузинами и осетинами и т. д.). В среднеазиатских республиках возникла угроза проникновения извне исламского фундаментализма. В Якутии, Татарии, Башкирии набирали силу движения, участники которых требовали предоставления этим автономным республикам союзных прав. Лидеры национальных движений, стремясь обеспечить себе массовую поддержку, делали особый упор на то, что их республики и народы «кормят Россию» и союзный Центр. Это вселяло в сознание людей мысль о том, что их процветание может быть обеспечено лишь в результате выхода из состава СССР. Партийная верхушка в республиках увидела исключительную возможность обеспечить себе быструю карьеру и благосостояние, а главное, свободу от Москвы.

Михаил Сергеевич медлил с принятием решений о выходе из «национального тупика». Лидер литовских сепаратистов В. Ландсбергис в апреле 1990 года в интервью английской газете Daily Mail заявил: «Запад должен понять, что Горбачёв сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент… Но он его не остановил». Ситуация постепенно начинала выходить из-под контроля.

Непредсказуемые и очень плохие для страны события стали происходить все чаще и чаще. Этих «черных лебедей» с каждым днем становилось все больше: 31 августа 1986 года затонул круизный лайнер «Адмирал Нахимов». Жертв было огромное число. За Чернобылем следовало землетрясение в Ленинакане. Вся система власти вышла из нормального состояния и казалось, что движется в никуда. Колоссального напряжения в работе, концентрации сил и средств потребовала чернобыльская катастрофа. Горбачёв собрал членов Политбюро и секретарей ЦК и сообщил об этом несчастье. Раскрепостившиеся журналисты вовсю «мочили» Горбачёва, перекладывая на него всю вину за случившиеся трагедии.

Непреодолимым для Горбачёва оказался «бунт Ельцина». Ельцин сознательно шел на развязывание публичного конфликта. В «бунте Ельцина» хотя и преобладали личностные факторы и мотивы, но уже просматривались контуры нарождавшейся левой оппозиции с ее лозунгами радикальных реформ.

Отношение Горбачёва к Ельцину с самого начала было сдержанным – велика разница в стиле работы и поведении этих явных заложников истории. Михаил Сергеевич, напоровшись на безаппеляционность суждений Ельцина, отсутствие комплексов, рефлексий и сомнений, авторитарность в методах руководства, жесткость в практических действиях, все же пытался урезонить его. Жестоко – как умели и еще могли – «не наказывать», но нашла коса на камень. Михаил Сергеевич, отмечает бывший секретарь Б. Н. Ельцина Лев Суханов, «вполне мог бы “сослать” Бориса Николаевича в какую-нибудь тьмутаракань послом, где уже нет никаких шансов на политическое выживание». «Но здесь Горбачёв настоял, чтобы оставить его в столице, не выводить из состава ЦК, и назначил на министерскую должность – первого заместителя председателя Госстроя». «Такой должности в Госстрое не было, и ее “придумали” специально для Ельцина». Более того, как пишет В. С. Павлов, за Б. Н. Ельциным сохранили все привилегии кандидата в члены Политбюро. А. Н. Яковлев писал: «У меня лично складывалось впечатление, что Михаил Сергеевич готовил для Ельцина более высокое положение в партии».

«Феномен Ельцина» подхватила публицистика. Он пользовался в массах славой опального политика, пострадавшего «за правду». Отправной точкой в открытом конфликте между Горбачёвым и Ельциным стала XIX Всесоюзная партийная конференция КПСС (июнь – июль 1988 года).

Ново-Огарёво. Перед встречей с Бушем-старшим.

В начале 1989 года в стране развернулась предвыборная кампания. Выдвигались кандидаты в народные депутаты СССР. 26 марта состоялись выборы. Они были самыми демократическими за всю советскую историю страны, хотя борьба за депутатские мандаты была нелегкой. Но впервые советский народ получил возможность выбирать своих представителей в высший орган власти из нескольких претендентов. Избирательная кампания была острой, обнажила драматизм борьбы разбуженных перестройкой масс.

Не менее показательна история с публикацией статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами». Если «бунт Ельцина» выразил еще не ясные радикально-демократические настроения в стране, то упомянутая статья явилась манифестом правоконсервативных сил, сигналом к их консолидации и активизации.

Статья появилась в «Советской России» 13 марта 1988 года. Горбачёв был в Югославии. В Москве кипели страсти. Статью интеллигенция восприняла как антиперестроечную, спланированную, как сигнал к контрнаступлению на Горбачёва и его соратников.

Статья появилась на фоне осложнения обстановки в Прибалтике. В народных фронтах активизировались сепаратистские силы. Они, казалось, только и ждали повода развернуть массовые действия против Центра. Отовсюду посыпались резолюции, протесты, собирались подписи против как

сохранения централистских, союзных начал, так и расширения прав республик, напротив, даже их ограничения.

Горбачёв вспоминал: «В начале августа 1988 года я рекомендовал ему (Яковлеву) поехать в Прибалтику, надеясь, что это поможет лучше понять, что там происходит. Яковлев высказался за то, что нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов; хотя там есть всякие силы, нужно сотрудничать с ними… Подытоживая, Яковлев заверил, что все «прибалты за перестройку, за Союз». Этот оптимизм успокаивал, но показался мне чрезмерным». Накануне октябрьского праздника Горбачёв, разговаривая с одним из теоретиков перестройки В. Медведевым о ситуации в Прибалтике, решил направить его и других членов Политбюро в эти республики. Поездка состоялась сразу после праздника. Из пребывания в Латвии Медведев вынес убеждение, что там настоящее политическое пекло: шумные собрания, пикеты, транспаранты, острейшие дискуссии в аудиториях, на улицах и площадях. В Москве ничего подобного еще не было. Это был ее завтрашний день.

25 мая 1989 года в Кремлевском дворце съездов начал работу I Съезд народных депутатов СССР. Он вызвал огромный интерес в мире. Страна же буквально припала к телевизорам и радиоприемникам. Люди ходили по улице, приставив к уху транзистор. Было ясно – человек слушает съезд. Шестнадцать дней – с 25 мая по 9 июня – продолжался политический марафон, бушевали страсти под сводами Кремлевского дворца. В. Медведев пишет: «В зал выплеснуты годами и десятилетиями копившиеся в стране эмоции, в первую очередь негативно-критические, надежды на коренные перемены, энергия молодых, динамичных сил… Немало проявилось и наносного, амбициозного, стремления… застолбить свое место на всесоюзной политической арене».

Межрегиональная депутатская группа (МДГ), ее лидеры А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, А. А. Собчак, Г. В. Старовойтова выступали за радикальные реформы в области экономики и в политической жизни.

Работа съезда завершалась… Для пятиминутного выступления настойчиво просил дать слово А. Д. Сахаров. Выйдя на трибуну, Сахаров огласил политическое заявление, претендующее на оценку ситуации с позиций Межрегиональной депутатской группы, в течение работы съезда настаивавшей на более решительных мерах перестройки. Притом что Первый съезд народных депутатов СССР при всех его слабостях, непоследовательности, недоделках оценен как попытка прорыва к новому качеству развития страны. Она несла в себе исторический

шанс – становления системы народовластия и народоправства.

Действия Горбачёва по отношению к Сахарову, недавно им же возвращенному из ссылки в Горьком, произвели на общественность гнетущее впечатление. Горбачёв грубо прервал Сахарова. Сцена не из приятных. Горбачёв упустил свой исторический шанс. Но его не упустил Ельцин. Очевидным было: ожидать ни конструктивного компромисса, ни диалога между ними не приходится. Эта сцена многократно используется в фильмах и телепередачах о перестройке.

Как утверждал Горбачёв двадцать лет спустя, у него «с МДГ сложились самые нормальные, самые хорошие отношения… МДГ была на стороне Горбачёва. Я поддерживал с ними контакт – и гласный (прямо в зале), и негласный (как говорится, шушукались) … Я очень тесно был связан с Андреем Дмитриевичем Сахаровым…Членов МДГ полностью сдал Борис Николаевич. Получил от них поддержку – его избрали президентом на уже российском съезде, – и они ему больше были не нужны».

В последние дни работы съезда ряд обозревателей стали сомневаться в способности Горбачёва сохранить целостность Союза. По мнению некоторых из них, распад СССР – неминуемый факт, а «Лос-Анджелес Таймс» даже полагала, что это может произойти в течение нескольких месяцев. Первый съезд стал переломным для образа Михаила Сергеевича в США. Американская пресса продолжала видеть в Горбачёве единственно возможного лидера СССР, но его реформаторский образ потускнел.

Горбачёва мучила ситуация с партией, она превращалась в тяжелые вериги. Он понимал и то, что без партии не обойтись – не удержать управление страной и не осуществить демократическое обновление общества, сопряженное с крутой ломкой общественных отношений. Но для этого нужно коренное обновление самой партии, а оно наталкивается на упорное сопротивление и даже контрнаступление консервативных сил.

Для Горбачёва потенциал решений XIX партконференции не был исчерпан. Для нового съезда Горбачёв надеялся наработать новые идеи, создать новый программный документ, пересмотреть устав, сформировать идейно-теоретическую и политическую платформу, которая позволила бы сплотить партию или ее основной массив вокруг перестроечных целей и задач.

Но общество больше волновала интерпретация итогов Съезда народных депутатов. Оппозиция провела на Манежной площади крупный митинг, на котором выступили Ельцин, Заславский, Гдлян, Иванов и другие ораторы, давшие съезду негативную оценку. Он якобы не оправдал надежд, в обществе ничего не

изменилось, передача власти от партии не началась, съезд ушел от решения конкретных проблем, выдвинутых в выступлениях многих депутатов.

Новый драматический оборот принимали события в межнациональной сфере. В Прибалтике Компартия Литвы приняла решение о выходе из КПСС. Это воспринято как прелюдия объявления республикой независимости. Поездки видных членов партийного ареопага в Литву и, наконец, поездка самого Горбачёва для уговоров уже не смогли изменить решения литовских коммунистов. Это были тяжелейшие встречи в коллективах, на улицах и площадях. Горбачёва встречали и восторженно, и настороженно одновременно. Подавляющее большинство литовцев были за независимость с большим или меньшим сохранением связей с Союзом.

Катастрофически обострилась обстановка в Азербайджане. Власть в ряде районов и городов (Ленкорань) перешла в руки националистических сил. В Баку в течение нескольких дней шли погромы в армянских кварталах с многочисленными жертвами. Возбужденные толпы людей на большом протяжении смяли государственную границу с Ираном. Нависла опасность крупномасштабной армяно-азербайджанской войны.

В ночь на 20 января 1990 года в Баку объявлено чрезвычайное положение и введены войска. Были жертвы с обеих сторон. С большими усилиями Горбачёву удалось восстановить деятельность республиканского руководства. Первым секретарем ЦК Компартии избран Аяз Муталибов. Постепенно обстановка в республике стала нормализоваться, хотя главный источник нестабильности – Нагорный Карабах продолжал кровоточить.

В феврале 1990 года прорвался нарыв в Таджикистане, неблагоприятные тенденции постепенно нарастали и в других республиках. Более того, во многих регионах и независимо от межнациональных отношений стали появляться настроения обособленности и неподчинения Центру. Пролилась кровь в Карабахе, Сумгаите, Баку, Оше, Фергане, Тирасполе, Тбилиси, Цхинвале, Вильнюсе. Писатель Б. И. Олейник, народный депутат СССР, с гневом обращался к Горбачёву: «Поверьте, я страстно хочу ошибиться, но ведь сценарий один и тот же, происходит трагедия, о которой Вы, как правило, «не ведаете». И только потом, всплеснув руками, посылаете «пожарную команду», прибывшую с запланированным опозданием. На тлеющие угли, на пролитую кровь, на похороны жертв. А вы опять, как голубь мира, невинно парите с оливковой ветвью над руинами. И опять «ничего не ведаете». Ну а как же быть с донесениями агентуры кагэбэ, которые задолго до трагедий ложились Вам на стол? Правда, Вы

преимущественно пребывали за кордоном, где Вас как «посла мира» чествовали и обхаживали, вручали всевозможные премии. Но, Михаил Сергеевич, даже школьнику ясно, что и там, за кордоном, Вы знали все, что делается в оставленной Вами родной стране. Хотели бы Вы или не хотели, но знали, ибо такой у Вас пост. А посему сакраментальный вопрос – почему же Центр всегда медлил? – теперь уже отпадает сам собой. Ныне совершенно ясно, что это входило в чьи-то замыслы – изменить общественно-политический строй».

Наиболее значимым с точки зрения проводимых в стране реформ стал внеочередной, III Съезд народных депутатов СССР, состоявшийся в марте 1990 года. На нем Горбачёв избран Президентом СССР. Фактически это явилось началом ликвидации государственной системы советской власти. На III съезде в Конституцию внесено дополнение, по которому Президент СССР избирался гражданами СССР на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Однако Горбачёв избран на съезде народных депутатов. По новому закону президент выступал гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР, являлся Верховным главнокомандующим Вооруженных сил СССР. Президент представлял Верховному Совету СССР на утверждение кандидатуры высших государственных чиновников, в первую очередь председателя Кабинета министров, главы правительства. Им по настоянию М. С. Горбачёва стал Валентин Павлов. Несколько позже введена должность вице-президента, который должен замещать президента в его отсутствие и выполнять отдельные функции президента страны. Вице-президентом по настоянию М. С. Горбачёва стал бесцветный функционер Геннадий Янаев.

Началось перераспределение постов и функций, а на деле – ослабление государственной власти, исполнительской дисциплины, управляемости страной. Однако Верховный Совет СССР, работавший в промежутках между съездами народных депутатов, принял ряд важных новых законов: о въезде и выезде советских граждан за рубеж, ликвидировавший железный занавес, об общественных организациях, постановления, определившие экономическое развитие страны.

В трудно скрываемых условиях паралича власти в «Ново-Огарёве» готовился доклад Горбачёва – концептуальный документ о национальной политике.

Пагубную роль сыграла история с перепечаткой в «Правде» статьи итальянской газеты «Репубблика» о пребывании Ельцина в США. Текст статьи в переводе на русский язык попал в «Ново-

Огарёво» в одной папке информационных материалов ТАСС 14 сентября. Почитали, посмеялись и после некоторых колебаний пришли к выводу, что эту дешевку перепечатывать в нашей прессе не следует – она дискредитирует страну. «Советская Россия» обратилась в Идеологический отдел ЦК с предложением опубликовать статью, но ей советовали воздержаться от такого шага.

Однако утром 18 сентября в «Правде» злополучная статья опубликована! В. Медведев утверждал, что публикация – это ошибка, дискредитирующая страну, недопустимый метод полемики.

Публично на следующий день Горбачёв заявил об этом на Пленуме ЦК. Эпизод с перепечаткой в «Правде» статьи из итальянской газеты был не единственным отзвуком на заокеанское турне Ельцина. Гостелерадио располагало видеозаписью нашумевшего на Западе выступления Ельцина в США, в котором он предстает в своеобразном виде. Решили предварительно сообщить о показе самому Ельцину.

Ельцин приехал в «Останкино» и сам просмотрел запись. Возразить тут было нечего… Он попросил показать не только это выступление, но и другие сюжеты о его пребывании в США. Что было и сделано.

Как ни странно, но данные случаи играли на руку уже Ельцину не только внутри, но, в международных отношениях.

А ведь международные отношения были козырной картой Михаила Сергеевича. Путь из Москвы в Вашингтон для Горбачёва шел через Париж, Женеву, Дели, Рейкьявик. Начался он еще в декабре 1984 года с поездки в Лондон. В загородной резиденции британского премьер-министра Чекерс, у камина, и началась, как пишет Горбачёв, «наша с Маргарет эпопея». Сбросив туфли и забравшись в кресло с ногами, «железная леди» увлеклась общением с этим нестандартным «новым русским». И хотя в Москве еще доживал свой век смертельно больной генсек, и еще неизвестно было, как лягут карты политической судьбы Горбачёва, Маргарет Тэтчер немедленно поделилась с Р. Рейганом впечатлениями от вероятного будущего советского лидера.

На внешнеполитическом поле перестройки этот шанс для принципиально нового развития готовился энергично и более успешно. Не случайно Горбачёв поставил Шеварднадзе, с которым он был близок еще на Ставрополье, на ключевое направление – внешнеполитическое, назначив доселе не имевшего никакого отношения к дипломатической работе Эдуарда Амвросиевича на пост министра иностранных дел СССР. Горбачёв начал демонтаж

железного занавеса, открывая страну внешнему миру. Самым значимым решением был уход из Афганистана (завершился в феврале 1989 года). Впервые глава советского руководства во внешних делах прислушался к голосу народа. Прекратился поток груза 200 и искалеченных жертв военной авантюры. Другим крупнейшим событием 1989 года стала нормализация советско-китайских отношений. Визит Горбачёва в Китай в мае того года проходил в условиях общего демократического подъема в тогдашнем мире, особенно в Европе.

Больного Рейгана сменил следующий президент США Дж. Буш. И если Р. Рейган, как политический деятель, писали аналитики, вырублен колуном, то Буш выточен лобзиком. Считалось, что Горбачёву очень трудно будет вести переговоры с таким политическим асом. Но после первых же встреч Горбачёва с Бушем в 1989 году на Мальте Буш поддержал перестройку, пообещал отменить дискриминационную поправку Джексона – Вэника, помочь справиться с внутренней ситуацией. Буш высказал и ряд предложений по проведению реформ в СССР.

С демонтажем Горбачёвым железного занавеса связана начавшаяся в 1989 году системная трансформация в странах Восточной Европы. Глубина преобразований в СССР показала, что перестройка – это всерьез, что принцип свободы выбора вышел на международную арену и что сателлитам СССР можно не опасаться военного вмешательства со стороны «старшего брата». В феврале 1990 года прилетел в Москву госсекретарь США Бейкер. На встрече с Горбачёвым обсуждался вопрос об объединении Германии. Бейкер в связи с этим давал возможность как минимум поднять вопрос об оформлении в международно-правовой форме гарантий непродвижения НАТО на Восток. Вскоре в Москву приехал канцлер ФРГ Г. Коль. Западногерманский посол вручил ему сверхсекретную бумагу от Бейкера. Коля просили додавить Горбачёва в вопросе о вхождении Германии в НАТО. Окончательно Горбачёв сдался в июне 1990 года, когда прилетел в Вашингтон.

События набирали бешеный темп. Ненадолго общественность отвлеклась на присуждение в 1990 году Михаилу Горбачёву Нобелевской премии мира за определяющий вклад, который он внес в возросшую открытость в советское общество, в укрепление международного доверия. Мирный процесс, в который Горбачёв внес весомую лепту, открыл новые возможности перед мировым сообществом для решения актуальных проблем, невзирая на идеологические, религиозные, исторические и культурные различия.

И наконец, наступил август 1991 года. События этого месяца

историкам еще не дано оценить полностью, слишком много фальши в документах и бесчисленных мемуарах, да и далеко не все они собраны и обнародованы. Оценка этих событий в большинстве своем субъективна и зависит от авторского отношения к самому Горбачёву.

Но признаем: невозможно объективно оценить события августа 1991 года в отрыве от процессов, которые происходили задолго до тех тяжелых дней. Внешне Горбачёв бодрился, как всегда, много говорил, скорее, заговаривал и окружавших соратников (а надежных становилось все меньше), и множившиеся ряды противников, и охваченный тревогой народ. Но он производил удручающее впечатление и в физическом, и в морально-психологическом плане. За день до отъезда, вспоминают будущие члены ГКЧП, 3 августа 1991 года, собрав узкую часть Кабинета министров, Горбачёв якобы произнес загадочную фразу: «Имейте в виду, надо действовать жестко. Если будет необходимо, мы пойдем на все, вплоть до чрезвычайного положения». 4 августа перед вылетом в Форос он еще раз якобы повторяет эти странные установки. «При необходимости действуй решительно, но без крови», – напутствует Михаил Сергеевич остающегося на хозяйстве вице-президента Янаева. Веры в эти свидетельства мало. Невозможно забыть дрожащие руки объявленного и. о. президента Янаева на знаменитой пресс-конференции гэкачепистов на Зубовской площади, где они врали на весь мир о недееспособности Президента СССР.

Форос. 20 августа 1991 г. Видеообращение Горбачёва по

поводу путча. На экране видна дата записи.

Из дневника Р. М. Горбачёвой: 18 августа, воскресенье.

«Сходили утром на море. Мы купались, Михаил Сергеевич сидел, читал. Сейчас в кабинете – работает. Я смотрю почту, читаю газеты. Что творится вокруг Союзного договора! Одни кричат: восстанавливается бюрократическое, унитарное государство. Другие – страна гибнет, рассыпается, рвется на куски, положения Договора расплывчаты, неопределенны, неясны. Для чего такой Союзный договор? Сообщение: ЦК КПСС предложил исключить из партии А. Яковлева. Передал вопрос на рассмотрение первичной партийной организации. Все сделали без ведома Михаила Сергеевича. Александр Николаевич подал заявление о выходе из партии.

19.00.

Где-то около пяти часов ко мне в комнату вдруг стремительно вошел Михаил Сергеевич. Взволнован. «Произошло что-то тяжкое, – говорит. – Может быть, страшное. Медведев сейчас доложил, что из Москвы прибыли Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников». «Кто он, последний?» – спрашиваю. «Генерал, заместитель Язова… Требуют встречи со мной. Они уже на территории дачи, около дома. Но я никого не приглашал! Попытался узнать, в чем дело. Поднимаю телефонную трубку – одну, вторую, третью… Все телефоны отключены. Ты понимаешь?! Вся телефонная связь – правительственная, городская, внутренняя, даже красный «Казбек» – вся отключена! Это изоляция! Значит, заговор? Арест?» Потом: «Ни на какие авантюры, ни на какие сделки я не пойду. Не поддамся ни на какие угрозы, шантаж». Помолчал. Добавил: «Но нам все это может обойтись дорого. Всем, всей семье. Мы должны быть готовы ко всему…»

Позвали детей. Я зачем-то попросила чай. Галина Африкановна, повар, принесла. Пить его, естественно, никто не стал. Рассказали Ирине и Анатолию о случившемся. От них узнали, что несколько минут назад в доме замолчало радио и перестал работать телевизор. У центральной входной двери, неизвестно откуда появившийся, стоит Плеханов. Спросил: «Где Михаил Сергеевич? К нему товарищи». Анатолий ответил: «Не знаю. Видимо, у себя». Дети и я поддержали Михаила Сергеевича, его решение. Наше мнение было единым: «Мы будем с тобой».

…Встреча Михаила Сергеевича с приехавшими проходила в его кабинете. Все это время Анатолий, Ирина и я находились рядом, около дверей кабинета. Вдруг арест? Уведут…

19 августа 1991 г. в Москве объявлено чрезвычайное положение, в город введены войска и техника.

…Вышли «визитеры» из кабинета где-то часов в 18 без Михаила Сергеевича, сами. Варенников прошел мимо, не обратив на нас внимания. Болдин остановился в отдалении. Подошли ко мне (я сидела, ребята стояли рядом) Бакланов и Шенин. Сказали: «Здравствуйте». Бакланов протянул руку. Я на приветствие не ответила, руки не подала. Спросила: «С чем приехали? Что происходит?» Услышала одну фразу, произнесенную Баклановым: «Вынужденные обстоятельства». Повернулись и вместе, втроем ушли. Из кабинета вышел Михаил Сергеевич. В руках держал листок, подал его мне. Сказал: «Подтвердилось худшее. Создан комитет по чрезвычайному положению. Мне предъявили требование: подписать Указ о введении чрезвычайного положения в стране, передать полномочия Янаеву. Когда я отверг, предложили подать в отставку. Я потребовал срочно созвать Верховный Совет СССР или Съезд народных депутатов. Там и решить вопрос о необходимости чрезвычайного положения и о моем президентстве». «Сказали, что арестован или будет арестован, так я и не понял, Ельцин…» «Здесь, на листочке, фамилии членов комитета…» Был возмущен не только ультиматумом прибывших, но и их бесцеремонностью и нахальством. При встрече с А. Черняевым сказал, что назвал их «самоубийцами» и «убийцами»: «Страна в тяжелейшем положении… Мир отвернется… Блокада экономическая и политическая… Это будет трагическим концом».

Возвращение из Фороса в Москву.

Анатолий Черняев, отдыхавший по соседству в Форосе: «Когда я приходил к Горбачёву, видел, как мечется Раиса Максимовна в страхе за мужа, дочь, внучек. В нервном потрясении у нее отнялась рука. Она потом долго не могла выйти из шока. И, скорее всего, этот «невинный», по Лукьянову, визит четырех «руководителей» приблизил ее безвременную смерть.

Горбачёву, чтобы произнести свое обращение к внешнему миру, пришлось ночью диктовать в подвальном помещении на маленькую камеру своего зятя. Пленка с этой записью обошла весь мир». Его возмутила оценка А. Лукьяновым ситуации в Форосе: «Видел ли ее Лукьянов?.. Если видел и может публично болтать вздор о Форосе, значит, этот бывший интеллигент начисто лишен совести».

В январе 2006 года в интервью телеканалу «Россия» и Борис Ельцин заявил о Горбачёве: «Во время путча он был информирован обо всем и все время ждал, кто победит, те или другие. В любом случае он примкнул бы к победителям – беспроигрышный вариант».

Валентин Варенников заявил, что Горбачёв в Форосе 18 августа сказал: «Ну, черт с вами! Делайте что хотите!»

В 2001 году в интервью итальянскому изданию Corriere della Sera бывший член ГКЧП (в то время глава КГБ СССР) В. Крючков заявил, что 18 августа, когда «группа товарищей» посетила Форос, пытаясь склонить Горбачёва одобрить их план, то Горбачёва больше всего беспокоил Ельцин. («Для Горбачёва самой важной

проблемой был Ельцин, он всегда его очень боялся», – утверждал он.) Крючков заявил: «Когда наши товарищи стали прощаться с Горбачёвым, он сказал: “Давайте! Действуйте!”» Данная версия, однако, не подтверждается другими источниками. Согласно им Горбачёв «не соглашался ни на что, никакие аргументы на него не действовали». Президент проводил гостей словами: «Ну и м…и же вы!» – и пожал им на прощание руки, поскольку они согласились с его предложением вынести вопрос о положении в стране и возможном введении ЧП на сессию Верховного Совета.

Особенно фантазировал на этот счет Г. Янаев, неоднократно заявляя, что документы ГКЧП разработаны по поручению Горбачёва. Например, из беседы с заместителем главного редактора журнала «Журналист» В. Челышевым Г. Янаева следовало: «Предусматривалось 4 варианта введения чрезвычайного положения. Первый – в Москве и других регионах, второй – по всей стране. Третий – прямое президентское правление в столице и отдельных территориях. И четвертый – прямое президентское правление по всей стране. Эти четыре варианта были Горбачёву доложены. И он сказал: «Хорошо. Пусть пока полежит…» <…> А 3-го числа, перед его отъездом, проводится заседание Кабинета министров, и на этом заседании Горбачёв говорит: «Да, ситуация трудная, но мы пойдем на все, включая введение чрезвычайного положения» <…> Понимаете, какая вещь. У меня-то до сих пор складывается впечатление, что он подталкивал нас к этому».

Сам Горбачёв 14 сентября 1991 года на вопрос следователя Генеральной прокуратуры России А. В. Фролова, который вел дело ГКЧП: «Явилась ли для Вас неожиданностью ситуация, возникшая 19 августа 1991 года?» – ответил: «Полной неожиданностью». Однако 17 августа 2011 года на большой пресс-конференции в агентстве «Интерфакс» Горбачёв признался, что заранее знал о планах ГКЧП, его об этом неоднократно предупреждали, но он считал, что важнее предотвратить кровопролитие и тем более гражданскую войну: «Откуда только ни звонили мне – предупреждали, что путч, путч, путч… И мое окружение сообщало, но я не мог пойти. Вот самое главное мое было кредо – не довести до крови большой».

Этими словами: «не довести до крови большой» – и можно окончить политическую историю первого и единственного в истории президента огромного государства. Вернувшись из Фороса, Горбачёв оставил пост Генерального секретаря КПСС после запрета Б. Ельциным деятельности партии на территории РСФСР.

На долю М. Горбачёва выпало еще немало испытаний. Свыше

20 лет он – столько лет судьба не отвела ни одному главе нашей страны – наблюдает, как управляют ею другие. Дело не только в очевидной трудности самого процесса разрыва с прошлыми взглядами и перехода к новым идеям. Ведь переход этот осуществлялся в обстановке острой внутриполитической борьбы. До сих пор еще живы силы, которые цеплялись и цепляются за советские стереотипы. Они стремились в лучшем случае к косметическому ремонту существовавшей системы, отвергали саму идею ее замены новой. Умножились и голоса сторонников империи. Обвинения в предательстве, в измене, в формировании мирового правительства, в масонстве сыплются на Горбачёва как из рога изобилия. Он уже устал отбиваться от них.

Очевидны их истоки. Далеко не все решения, к которым приходил М. С. Горбачёв и близкие к нему члены руководства, сразу «выходили на поверхность». Некоторые были заявлены с заметным запозданием, другие же приходилось «маскировать», сопровождать оговорками, ритуальными формулами из старого арсенала. Читатель увидит все это, заметит, что некоторые документы ранних лет перестройки были противоречивыми – одни их положения явно не соответствовали другим. Позднее М. С. Горбачёв – это было уже после 1991 года – сам признавал, что ему приходилось тогда хитрить, оправдываться. Но в конце концов логика действий, логика событий заставляла отбрасывать «хитрости» в сторону.

Очевидно и другое – в некоторых случаях М. С. Горбачёв, беседуя с зарубежными деятелями, шел дальше, чем в своих выступлениях внутри страны. Конечно, и в этих беседах – особенно поначалу – отдавалась дань прошлому. Но тем не менее, говоря с зарубежными партнерами, свои замыслы он раскрывал много полнее, определеннее.

Горбачёв и Ельцин.

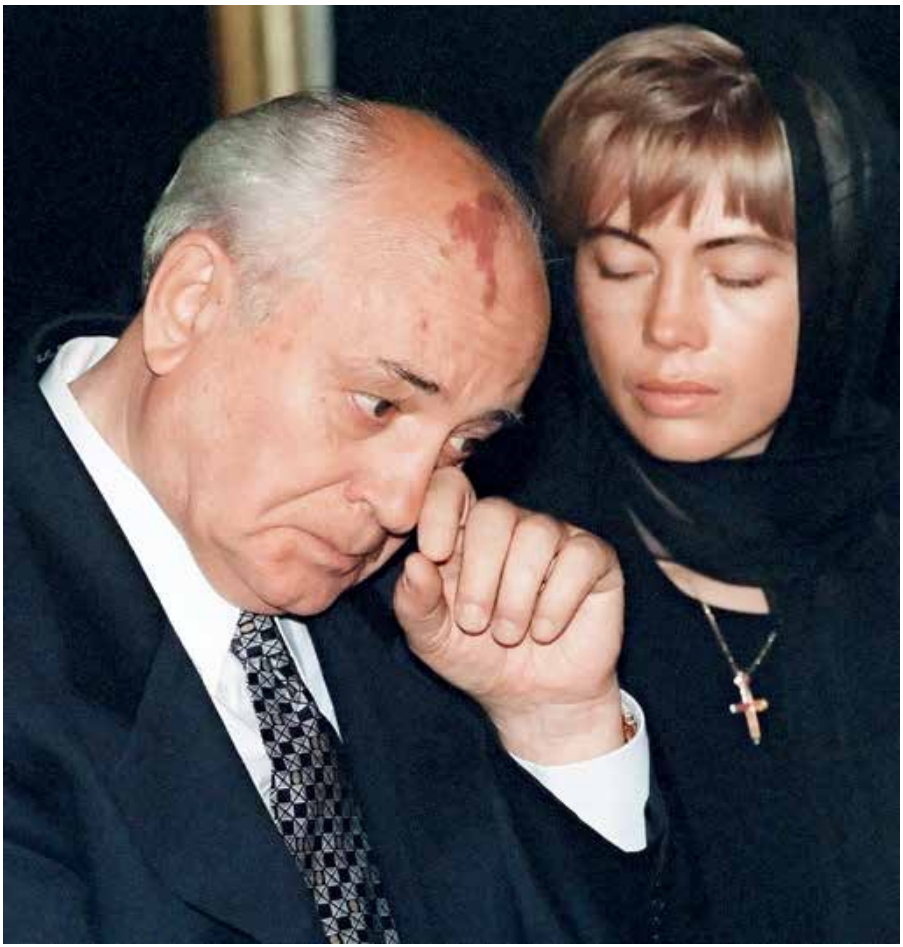
Он считал, что люди будут благодарны ему за свободу. За свободу выезда за границу, за возвращение литературы, нашей же, которая уже вышла к тому времени за рубежом. Вместе со свободой слова вернулась и религиозная свобода. Остановлена гонка вооружений. Наконец, 6-ю статью Конституции о руководящей роли КПСС все-таки в 1990 году отменили… И как этому радовались! Но переход был смутный, до самого конца так и не досказанный самим Горбачёвым. Он и 20 лет спустя еще дает разные ответы, чего хотел: немножко очеловечить систему или целиком ее отменить. Никто не был готов к свободе, не было опыта, что с ней делать. И не было знания о том, как это бывает в мире. Может быть, поэтому время свободы было употреблено не лучшим образом. Но вряд ли можно было ожидать большего.

«У патриарха отечественной политики Михаила Сергеевича Горбачёва, – пишет В. Лошак, – нет достойного места на российском политическом олимпе. Какое же может быть у него место, если за 30 лет общественное сознание вернулось к тому, против чего, собственно, Горбачёв и его соратники боролись. Да он сегодня просто смешон со всей своей верой в людей и политической романтикой! Общечеловеческие ценности? Обновленный и моральный советский человек? Справедливый мир? Доброжелательные и равноправно настроенные западные партнеры? Из сегодняшнего дня, из страны, окруженной, по мнению ее идеологов, лишь корыстными врагами, случившееся 30 лет назад – лишь недолгий период политических сказок».

Вместе с тем Горбачёв награжден более чем 50 государственными наградами, наградами научных институтов и

университетов Югославии, Польши, Болгарии, Франции, Ватикана, Италии, США, Израиля, Греции, Испании и др. Он почетный доктор свыше 20 крупнейших университетов мира, почетный гражданин 12 городов. Он лауреат (помимо Нобелевской премии мира) 30 международных премий.

Горбачёв уже перестал, по существу, быть политиком, а стал человеком, пережившим личную трагедию – потерю любимой жены – и трагедию общественную – потерю власти, с которой он, может быть, не примирился, но очень умело скрывает. И это даже больше, чем примирился, потому что он ведет себя нормально, достойно.



Похороны Раисы Максимовны. Сентябрь 1999 г.

Ирина Горбачёва однажды ответила, что ее более всего восхищает в отце: «Мы были с ним в какой-то, уже не помню в какой именно, стране, ехали на машине, он смотрел в окно, а там по улице шли люди, и черненькие, и узкоглазенькие, и всякие-

разные, и он сказал: «Доча, ты посмотри, сколько всего Бог создал… Это же, значит, все нужно. И всех, значит, надо любить…»

Памятник на могиле Р. М. Горбачёвой.

В одном из своих последних интервью (2015 год) Горбачёв говорил: «У перестройки были разные этапы. Перестройщиков обвиняли в том, что у них нет плана, концепции. Но готовых рецептов и не могло быть. Концепция перестройки формировалась по мере ее развития, по мере того, как раскрепощались люди. Но оставалось неизменным наше стремление соединить политику с моралью, нравственностью, сделать так, чтобы государство и экономика служили человеку».

Главные даты жизни Михаила Сергеевича Горбачёва

2 марта 1931 г.
Родился М. С. Горбачёв.

1946 г.
Вступил в комсомол.

1947 г.
За высокий намолот зерна на комбайне был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1950 г.
Окончил с серебряной медалью школу № 1 в селе Красногвардейском.

1950–1955 гг.
Учеба на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

25 сентября 1953 г.
Женился на Раисе Максимовне Титаренко.

1955–1956 гг.
Заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды Ставропольского крайкома ВЛКСМ.

1956–1958 гг.
Первый секретарь Ставропольского горкома комсомола.

6 января 1957 г.
Родилась дочь Ирина.

1958–1962 гг.
Второй и первый секретарь крайкома ВЛКСМ.

Декабрь 1962 г.
Заведующий отделом организационно-партийной работы Ставропольского сельского крайкома КПСС.

Август 1968 г.

Второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС.

Апрель 1970 г.
Первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС.

1971 г.
Член ЦК КПСС.

Ноябрь 1978 г.
Секретарь ЦК КПСС по вопросам агропромышленного комплекса.

1979 г.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

1980 г.
Член Политбюро ЦК КПСС.

1985 г.
Март
Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Май
Выступая на партийно-хозяйственном активе в Ленинграде, выдвинул лозунг: «ускорить социально-экономическое развитие».

1986–1987 гг.
Надеясь пробудить инициативу масс, М. С. Горбачёв взял курс на развитие гласности и демократизацию общественной жизни.

1989 г.
Март

Выборы народных депутатов СССР.
Май
Съезд народных депутатов, на этом съезде М. С. Горбачёв избран председателем Верховного Совета СССР.

1990 г.
5 марта
Съезд избрал М. С. Горбачёва Президентом СССР.

15 октября
Награжден Нобелевской премией мира.

25 декабря 1991 г.
Заявил о сложении с себя полномочий Президента СССР.

С начала 1990-х гг.
Общественный деятель.

20 сентября 1999 г.
Умерла Р. М. Горбачёва, похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

С 1992 г. и до настоящего времени
Президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-фонда).